
ТАЙНЫ
КРОВИ
И
АМБИЦИИ
НАДЕЖДА ЭВАНС
Любовь — как нож в спину,
настигает неожиданно, бьет больно
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Надежда Эванс

Тайны крови и амбиций

«Автор»
2026

Эванс Н.

Тайны крови и амбиций / Н. Эванс — «Автор», 2026

Мы все существуем в иллюзии бессмертия, пока однажды не осознаем пугающую истину: нас всех настигнет одна и та же участь, и это неизбежно. Но настоящий ужас кроется не в самой смерти, а в понимании, что можно умереть, так и не начав по-настоящему жить.Я ненавидела учебу. Мою детскую мечту перечеркнули и заперли в престижном институте. Все изменилось, когда я познакомилась со своим преподавателем. Став свидетельницей его работы, я заключила с ним извращенный договор: я храню его тайны ради своей жизни, а он охраняет мое существование ради собственного удовольствия. Теперь я вынуждена беречь его секреты, но этот монстр, сам того не желая, подарил мне право впервые задать себе вопрос: «А правильно ли я живу свою жизнь?»

© Эванс Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 6
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 23
Глава 7 28
Глава 8 35
Глава 9 40
Глава 10 45
Глава 11 51
Глава 12 58
Глава 13 62
Глава 14 64
Глава 15 67
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Надежда Эванс
Тайны крови и амбиций

Часть 1

Новый дом, а все будто бы прежде.
Только золотом красится клетка.
Я цепляюсь за нить надежды,
А в глазах его — сталь и насмешка.
Он сломал меня в первую встречу,
Показал свою страшную власть.
Мои мысли опять противоречат.
Страх за жизнь заставляет молчать.
Я заложница в шелковых платьях,
Птица с вырванным напрочь крылом.
Его имя, словно проклятье,
Стало мне и кошмаром, и сном.

Глава 1

Снег падал крупными, влажными хлопьями, оседая на моих ресницах. Перед массивными железными воротами намело настоящие сугробы, но створки уже медленно поползли в стороны. Во двор, расчищенный почти до асфальта, плавно въехал черный «Мерседес». Я припарковалась рядом с моим черно-фиолетовым байком и вышла из салона.

Провела ладонью по холодному сиденью — жаль — отсюда не уедешь — дороги превратились в ледяное стекло.

Я проскользнула в дом тенью, молясь, чтобы старые петли не выдали меня скрипом. Аккуратно закрыла дверь, стянула сапоги, и тут за спиной раздался сухой кашель. Вспыхнул свет.

— И где мы ходим в два часа ночи? — голос отца был тяжелым, как гранит.

Мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы указать на него пальцем. За его плечом маячила Эмили. Её приторная улыбка бесила до скрежета зубов. Предательница. Наверняка именно она сдала меня, шепнув отцу, что я сорвалась в клуб.

— Эшли, я жду ответа.

— Ты и так знаешь, — бросила я, глядя ему прямо в глаза. Всё тело зудело от желания просто прошмыгнуть мимо него в комнату, но воспитание вбивало гвозди: без разрешения главы семьи шагу не ступишь.

— Я хочу услышать это от тебя. — Его тон стал еще ниже, вибрируя угрозой. Я шумно выдохнула и опустила голову, играя покорность.

— Мы были в клубе. Мне девятнадцать. Или мне уже нельзя дышать?

— Почему ты не предупредила?

— А должна была? — парировала я вопросом на вопрос.

— Не хами.

Он произнес это твердо, но я уже не слушала. Сбросила шубу на вешалку и скрылась в своей комнате, пока он не начал читать мораль. Завтра эта песня начнется заново, но сейчас мне плевать. Единственное, чего я хотела — упасть лицом в подушку.

Бросив сумку в угол, я переоделась в пижаму и рухнула на кровать. Учёба вызывала рвотный рефлекс, а преподаватели раздражали своим фальшивым всезнанием. Да, я могла бы соврать про дополнительные занятия или проект у подруги, как делает Эмили. Но я насмотрелась на её лживую мордашку. Она улыбается в лицо и говорит чушь. Я никогда не буду такой. В детстве я решила говорить только правду, какой бы колючей она ни была.

Сон накрыл мгновенно. Утро оказалось куда менее приятным.

— Эшли! Твою мать, вставай! — Меня грубо ткнули в бок. Я разлепила глаза, увидев над собой мутный силуэт сестры.

— Что тебе надо... — процедила я сквозь сон. — У нас одна мать, если ты забыла.

— Не хочу иметь с тобой ничего общего, — фыркнула она. — Отец ждет внизу. Для серьезного разговора.

Она вылетела за дверь, цокая каблуками. Я села на кровати, свесив ноги. Что им всем от меня нужно? Нельзя просто оставить меня в покое? Забыть о моем существовании, раз уж я такая ошибка системы?

Пришлось встать. Одевалась я намеренно медленно. Зачем ценить чужое время, если мой сон для них — пустой звук? На кухне отец сидел за столом, листая ленту новостей, а Эмили крутилась перед ним со стаканом сока, изображая идеальную дочь.

— Доброе утро, Эшли, — поприветствовал отец. Голос сочился сдержанным раздражением.

— Эмили подняла тебя полчаса назад.

— Искала, что надеть, — я плюхнулась напротив и закинула ногу на ногу, одарив их самой ядовитой из своих ангельских улыбок. — Для важного разговора нужен правильный дресс-код.

—Я вчера поразмышлял над твоим поведением, — он проигнорировал шпильку. — И всерьез думал отправить тебя в исправительный комплекс.

Лицо Эмили дрогнуло в усмешке, уткнувшейся в экран телефона. Внутри меня всё похолодело. Исправительный комплекс? Он же не…

—Я нашел для тебя хороший институт, — продолжил отец, делая глоток кофе. — Частный.

Закрытый. Он поднимет тебя на ноги. Ты уезжаешь сегодня. Квартира уже оплачена.

Внутри всё оборвалось. Другой конец города. Закрытый кампус. Тюрьма с золотыми прутьями.

«Папочка заплатит за мою учёбу», — всплыли в памяти мои же слова, брошенные учителям когда-то. — «Он же не хочет, чтобы все думали, что его дочь бездарность».

И вначале так и было. Он платил этим крысам, чтобы те рисовали нам хорошие оценки ради фамилии Коффин. Но теперь, когда я забила на школу, он решил изолировать проблему.

Наконец я подняла глаза. Эмили всё так же лучезарно улыбалась мне, и от этой идеальной улыбки сводило зубы. Я сделала вид, что разглядываю рельеф стола.

—И ты правда думаешь, что я буду учиться? — мой голос прозвучал глухо, а усмешка вышла кривой.

—Ты будешь, — отрезал он. Голос отца стал стальным, заполнив собой всю гостиную. — За тобой будут следить. Администрация института и мои люди. Твои оценки превратились в мусор...

—Но у Эмили они не лучше! — взорвалась я, вскакивая с кресла.

—Не смей перекладывать свои провалы на меня! — выкрикнула блондинка, подавшись вперёд.

—У неё отличные баллы, она идёт на красный аттестат... — медленно, почти по слогам процедил отец, словно объясняя идиотке таблицу умножения.

—Ей эти баллы ставят за то, что она задницей перед учителями крутит! — выплюнула я. В плечо тут же прилетела мягкая, но увесистая подушка.

—Врёшь, идиотка!

—Рот закрой, подстилка!

На кухне повисла звенящая тишина, густая, как кисель. Секундная стрелка настенных часов вдруг стала бить прямо по нервам.

—Обе заткнулись, — рыкнул отец, переводя на меня тяжёлый, давящий взгляд. — Собирайся. Машина будет через час.

Я открыла рот, чтобы бросить ему в лицо что-нибудь ядовитое, но слова застряли в горле. Вместо этого я молча схватила ту самую подушку и со всей силы запустила ею в самодовольное личико сестры. Промахнулась. Плевать. Развернувшись на пятках, я ушла в свою комнату, чувствуя, как горят лопатки под его взглядом.

Мне хотелось выть.

Бросая в сумку первые попавшиеся вещи, я обвела взглядом свою спальню. Стены цвета пыльной мяты, плакаты групп, гирлянда над кроватью. В груди болезненно заныло. Обида жгла кислотой, смешиваясь с желанием вцепиться Эмили в её идеально уложенные волосы. Будто это она виновата в том, что мою жизнь рвут на части.

Я спустилась вниз, волоча за собой спортивную сумку и рюкзак. Чёртов портфель оказался неподъёмным. Накинув на плечи свою шубу цвета серого ириса, я села на обувницу, натягивая длинные сапоги на каблуках.

—Куда собралась? Водитель ещё не подъехал, — отец стоял в дверном проёме, скрестив руки на груди.

—Скажи адрес, доберусь сама. — Я даже не удостоила его взглядом, пряча пальцы в карманах.

—Никаких «сама». Мой водитель тебя отвезёт.

—Ладно, спрошу у него, — бросила я и, поправив лямку рюкзака, рванула ручку входной двери.

Он что-то кричал вслед, но звук оборвался, едва захлопнулась железная дверь подъезда.

Ещё несколько минут рядом с ними — и я бы просто сошла с ума.

Улица встретила морозом. Я сделала глубокий вдох, ловя губами колкие снежинки. Медовый вкус зимы на секунду успокоил пожар внутри, но иллюзия свободы рухнула вместе с вибрацией телефона.

—Ты хоть понимаешь, насколько усложняешь нам жизнь?! — загремел в динамике взбешённый голос Ричарда Коффина. — Твой байк и машина сейчас в моём закрытом гараже. Ключи увидишь только после того, как получишь диплом о высшем образовании.

—Когда ты успел их туда переправить?! — прорычала я, сжимая смартфон так, что пластик хрустнул.

—Неважно. Машина уже ждёт.

И действительно: за воротами показалась хищная морда белой «Ауди».

—Садись внутрь. Делай всё, что скажет водитель. И постарайся хотя бы сегодня не позорить мою фамилию.

—Как прикажете, Ричард Коффин, — процедила я сквозь зубы, глядя мимо тонированного стекла. — Пока не вернёте мой транспорт, можете забыть слово «дочь».

Не дожидаясь ответа, я дёрнула ручку заднего сиденья. Спереди садиться не хотелось — мало ли какие фантазии могут возникнуть у папиного громилы за рулём.

—Добрый вечер, Эшли Коффин. На Олив-стрит? — бархатный, успокаивающий голос водителя резанировал с моим внутренним штормом.

—К гаражам в центре, — попыталась схитрить я.

—Боюсь, мистер Коффин дал чёткие инструкции.

—Тогда какого чёрта спрашиваешь?! — я зло пнула мягкую обшивку переднего кресла. Водитель лишь плавно тронулся с места.

Я воткнула наушники, утопив салон в оглушительном гитарном риффе, и уставилась в окно. Мимо проплывали сонные витрины, спешащие фигуры в огромных пуховиках, грязные разводы на асфальте. Злость требовала выхода, ей нужен был вектор, но где-то глубоко под слоем ярости копошился мерзкий червячок вины. Раньше ведь я была отличницей. Синяя форма, идеальные косы, дневник, пахнущий свежей бумагой и пятерками. Всё полетело в тартарары в десятом классе. Когда меня насильно запихнули в лицей и на корню зарубили мечту о дизайнерстве.

«Без понимая основ бизнес-дела ты ничего не добьёшься», — вынес вердикт отец. Чем этот институт мне поможет? Разве что надеть смирительную рубашку.

Я сжала кулаки под столом. Нет, учиться я не собираюсь. Я найду способ опозорить фамилию отца так громко, чтобы эхо прокатилось по всему городу. Хотя… мысль быстро улетучилась. Сейчас главное пережить переезд.

—Мы приехали.

Ничего не ответив водителю, я толкнула тяжелую дверь и задрала голову. Двадцатиэтажное здание давило серым монолитом. Где-то там, наверху, моя клетка на ближайший учебный год.

Из машины выбрался широкоплечий мужчина, больше похожий на секьюрити, чем на шофера. Молча взял мои сумки. Мне оставалось лишь плестись следом.

Квартира оказалась на семнадцатом этаже. Лифт поднял меня в тишину.

—Располагайтесь, — сухо сказал водитель, открывая дверь и протягивая связку ключей.

—Пары через час. Я буду ждать вас внизу.

Дверь захлопнулась, отрезая меня от мира. Я обвела взглядом свои новые владения: крошечная прихожая, кухня размером с кладовку, совмещенный санузел и комната-студия. Скромненько. Кинув рюкзак на пол, я упала на узкую кровать и схватила телефон.

«Это полный треш... Мартин...» — напечатала я дрожащими пальцами.

«Что случилось, котёнок?» — пришел ответ спустя секунду. Мой парень всегда чертовски быстр.

Я улыбнулась впервые за день и нажала кнопку записи. Выплеснула всё: злость на отца, предательство Эмили, эту убогую квартиру. Голосовое затянулось минуты на три. Но договорить мне не дали. Экран вспыхнул входящим звонком — снова тот самый водитель.

—Вы можете опоздать на первую пару. Вы готовы?

—Я сейчас выйду! — рявкнула я и сбросила вызов. — Сукин сын!

«Давай встретимся сегодня. Скажу адрес, заберешь меня.» — лихорадочно набила я Мартину, запихивая в сумку первый попавшийся учебник.

«Хорошо, постараюсь приехать.»

В ответ прилетел смайлик-сердечко. Единственная искра тепла в этом ледяном дне. Я перехватила лямку рюкзака и выскочила из квартиры. Спускаться вниз, садиться в машину с каменным истуканом и ехать в ненавистный институт казалось пыткой, но сбежать сейчас означало окончательно потерять мотоцикл. Придется потерпеть. Ради свободы, которая обязательно наступит.

Глава 2

Мотор черного «Ауди» гудел ровно и убаюкивающе. Мы не обменялись с водителем ни словом, пока он вез меня к институту. Учебное гнездо оказалось буквально за углом от моей новой золотой клетки.

—Мы приехали, мисс Коффин, — мужчина заглушил двигатель и вышел первым, обходя машину, чтобы открыть мне дверь.

Холодный воздух тут же обжег щеки. Я выбралась на улицу, лишь коротко кивнув ему вместо благодарности.

—Вас проводить?

—Обойдусь.

—Я буду ждать вас на этом же месте после занятий.

Я проигнорировала его заботу и направилась к огромному зданию. Вокруг него, словно по периметру строгого режима, высился чугунный забор. Хотя почему словно? Это и есть тюрьма. Просто очень дорогая, элитная, высотой в пять этажей. Снаружи всё выглядело обманчиво красиво: спортивные площадки, кованые лавочки, мраморные статуи каких-то напыщенных старцев из учебников истории и даже фонтан. Но сейчас вода в нем замерзла, превратившись в ледяные фигуры ангелов со сломанными крыльями.

Красиво до тошноты. Но я думала не об архитектуре. Мне нужен был план. План того, как проскочить мимо этого амбала-водителя и сорваться к Мартину. Я слишком хотела увидеть его, чтобы позволить какой-то отцовской прихоти встать между нами.

Нехотя переступив порог института, я уткнулась в расписание. Несколько минут плутания по коридорам, и вот она — нужная аудитория. Не давая себе времени передумать, я толкнула тяжелую дверь прямо посреди фразы лектора, услышав презрительное: «Эшли Коффин?»

—Здесь! — громко бросила я и захлопнула створку за собой.

В просторной аудитории повисла звенящая тишина. Только тогда до меня дошло, куда именно отец спустил свои деньги, чтобы пропихнуть такую разгильдяйку.

Преподаватель замолчал на полуслове и медленно повернул голову. У меня перехватило дыхание. Высокий, лет двадцати шести, не больше. Черные волосы с идеальным белым мелированием уложены волосок к волоску. Широкие плечи натягивали ткань белоснежной рубашки так, что хотелось провести по ней пальцами. Я опешила. Ждала увидеть седых зануд в твиде, а получила обложку мужского журнала.

—Мисс Коффин? — скрестив руки на груди, сурово произнес этот греческий бог. — Опаздывать в первый день — сомнительное начало для такой важной девушки...

Вся моя зачарованность испарилась, оставив во рту привкус горечи. Я ожидала поблажек из-за фамилии, но никак не такого холодного душа.

Он молча указал на первую парту первого ряда и отвернулся к доске.

—Если все собрались… продолжим?

Он начал писать на доске, монотонно объясняя материал. Я тихо фыркнула. На первой парте сидят только зубрилы, а сзади было полно свободных мест.

Не слушаясь, я прошла к пятой по счету парте и уселась на стул.

—Тебя сейчас отругают, — шикнула блондинка слева. — Он сказал всем новеньким садиться вперед.

—Плевать, — буркнула я, доставая канцелярию. — Лучше скажи, что я пропустила.

—Учитель озвучил список и представился. Сейчас только вступление.

—Значит, ничего важного.

Я поставила учебник на подставку и открыла его, прячась от взгляда преподавателя. Достав телефон, я положила его рядом, делая вид, что ищу заметки. Голос учителя лился сплошным

шумом. Я настолько ушла в себя, выстраивая диалог с Мартином в голове, что не заметила, как преподаватель бесшумно подошел вплотную.

—Я уже хотел вас похвалить, Эшли, — его голос прозвучал прямо над ухом, заставив вздрогнуть. — Но вы удивляете не только наглостью, но и ленью?

Он взял мой учебник. От неожиданности я вжалась в спинку стула.

—Для приличия могли бы хотя бы перевернуть книгу правильно… — он щелкнул переплетом, ставя том обратно. А затем накрыл мою ладонь, лежащую на столе, своей широкой пятерней и забрал смартфон. — Отдам после пары.

Я злобно прожгла взглядом его спину. Когда он развернулся и пошел к доске, я демонстративно показала ему средний палец под столешницей. Глаза соседки стали размером с блюдца. Кажется, здесь так делать не принято.

Я смущенно улыбнулась ей.

—Ты лучше слушай, а то спросит еще. — Она нервно сглотнула и уставилась в тетрадь. Я вздохнула, положила голову на руку и закрыла глаза. Какая невыносимая скука.

Неужели отец всерьез думал, что цепи сменятся на шелковые ленты, и я вдруг полюблю учебу? Логика уровня «Бог».

Закрыв веки, я уплыла в мысли о Мартине. Его образ согревал изнутри лучше любого обогревателя. Теплая темнота укутала сознание, и я провалилась в короткий, беспокойный сон.

—Что насчет вас, Эшли? У вас нет вопросов? Или вы экономите кислород, потому что знаете уголовное право лучше действующего кодекса?

Услышав свое имя, я резко вскинула голову, хлопая ресницами. Волосы наверняка сильно растрепались. Преподаватель стоял возле моего стола, и теперь в его глазах плескалось открытое презрение.

—Может быть, вы снизойдете до ответа?.. — он сделал паузу, наслаждаясь моментом. — Кай, по просьбе Феликса, за крупную сумму убил человека, после чего пришел к Эстер, с которой сожительствовал, и рассказал обо всём. Эстер выстирала окровавленную рубашку, спрятала нож, а затем съездила к Феликсу за деньгами, часть которых Кай отдал ей. Квалифицируйте содеянное и проанализируйте состав преступления.

Мозг отказывался работать. Речь шла об убийстве, пособничестве, соучастии… Всё это сливалось в белый шум. Он смотрел на меня, не моргая, ожидая, когда я поплыву.

—Что? — глупо переспросила я, хлопая густыми черными ресницами. Единственное, что крутилось в голове: «Что за псих стоит передо мной?»

Я долго молчала, теребя край рукава под партой. Не дождавшись внятного звука, мужчина хмыкнул и вернулся к доске.

—Так и знал, что вы не осилите банальную задачу первокурсников, — протянул он с каким-то внутренним злорадством. — Если вы сыпетесь на этом, боюсь представить, что будет дальше.

Кровь ударила в лицо. Этот высокомерный индюк смеет издеваться надо мной? Да кто он вообще такой?!

—Эшли… — пискнула соседка, пытаясь подсказать формулировку статьи.

Услышав тихий ответ, я медленно встала. Неспешно поправила лямку топа, выдержала театральную паузу, глядя прямо в его самодовольные глаза, и громко, чеканя каждое слово, произнесла:

—В данном случае необходимо разграничить исполнителя, организатора и пособника для правильной квалификации деяния. И если вы думаете, что в первый же день я смогу

решить ваши «легкие» задачки, у меня возникают серьезные сомнения: а вы точно заканчивали педагогический? Или просто решили самоутвердиться за счет запуганных студентов?

Я осталась стоять, скрестив руки на груди. Мужчина замер. По его идеальному лицу пробежала едва заметная тень. Он дернул уголком губ, а в глубине глаз мелькнул опасный огонек. Кажется, я попала в самое больное место.

—Вы не даете своим студентам времени подумать, и считаете себя лучшим преподаванием? — добила я, чувствуя сладкий вкус триумфа.

Его взгляд метнулся к моей соседке — подозревает, что та прошептала ответ целиком. Но через секунду он снова смотрел на меня. И вдруг скопировал мою позу: сложил руки на груди, вальяжно оперся бедром о стол и улыбнулся. Холодной, режущей улыбкой.

—Я не говорил, что лучший преподаватель. Но раз уж вы так думаете… мне лестно.

Советую узнать меня и мой предмет получше, прежде чем разбрасываться диагнозами.

В аудитории стояла мертвая тишина. Двадцать человек переводили взгляды с него на меня, боясь дышать. Я судорожно искала, что бы такое ядовитое бросить в ответ, но челюсти сводило от бессильной ярости.

И тут прозвенел звонок. Громкий, спасительный, разрывающий эту раскаленную проволоку между нами.

Мужчина равнодушно выключил проектор, сел за свой стол и махнул рукой:

—Урок окончен. Все свободны.

Глава 3

Студенты начали стекаться к выходу, сбиваясь в стайки и бросая на меня любопытные взгляды. Но мне было плевать. Я продолжала злобно шипеть себе под нос проклятия, швыряя ручку и тетрадь в сумку.

Подойдя к учительскому столу за своим телефоном, я встретила глухую стену.

—Заберете свой аппарат после всех занятий.

—Вы не имеете права! — выпалила я, чувствуя, как от ярости темнеет в глазах.

—А вы имели право срывать мой урок? Хамить? Пытаться выставить меня посмешищем перед группой? Игнорировать замечания и показывать мне средние пальцы из-под парты?

Он всё видел. Щеки обожгло румянцем смущения, но я лишь выше вздернула подбородок. Может, у него глаза на затылке или встроенный тепловизор? Хотя сейчас это неважно. Важнее вернуть свою собственность.

—Я прекрасно знаю свои права, Эшли Коффин, — его голос стал бархатным и ядовитым. Он буквально прожигал меня взглядом. — Зайдете ко мне в кабинет после последней пары. И заберете телефон лично.

Я проглотила ругательство. Развернулась и, чеканя шаг так, что каблуки высекали искры из паркета, вылетела в коридор. Это просто невероятно. Мой первый день. Да что там день — мой первый урок в этом элитном гадюшнике, а я уже хочу спалить его дотла!

—Все нормально? Он вернул тебе телефон? — Вивиана догнала меня, нервно теребя ремешок сумки.

—Нет, — фыркнула я, пытаясь спародировать его ледяной тон. — Сказал: «Зайдешь после уроков».

Успокоившись, я наконец-то разглядела свою спасительницу. Милая девочка-ангелочек: светлые волосы до плеч, огромные нежно-голубые глаза. На лице почти нет косметики, но кожа сияет чистотой.

—Спасибо еще раз, — сказала я, пряча неловкость.

—Не за что, — она тепло улыбнулась. — Девид… он своеобразный. Для него кодекс важнее чувств. Ему нужно, чтобы мы цитировали законы даже во сне.

Я усмехнулась. Таких перфекционистов-зануд я встречала. К каждому нужен свой ключик, своя отмычка. Придется подобрать код и к этому графу Дракуле, но об этом я подумаю позже.

—Кстати, я Вивиана, — снова улыбнулась она.

—Эшли. — Я ответила ей тем же, хотя моя улыбка вышла хищной. — Ты тут давно учишься?

—Несколько месяцев…

Из-за двери аудитории показалась фигура преподавателя. Брови сами собой сошлись на переносице.

—Как этого индюка зовут вообще? — спросила я, провожая его напряженную спину взглядом.

Вивиана проследила за мной и тихо выдохнула:

—Девид Графский.

—Что?! — я прыснула со смеху, едва сдерживая истерику. — Графский? Серьезно? Типа граф? Боже, какой пафос…

—Тише ты! — шикнула Вивиана, испуганно оглядываясь. — Главное, чтобы он не услышал.

—Не бойся, покажешь мне этот замок? Мне правда интересно, где я буду гнить ближайший год.

Она колебалась всего секунду. Звонок еще не прозвенел.

—Только очень быстро.

Я схватила ее за холодную ладонь и потащила прочь от кабинета. Сначала Вивиана путалась в словах, словно боялась собственной тени, но вскоре вошла во вкус экскурсовода. Мы слетели на первый этаж — столовая оказалась огромной, похожей на ресторан. Затем поднялись на третий — уютное кафе с мягкими креслами. Она показала туалеты, медпункт, тихий кабинет психолога и все запасные выходы. Зачем мне знать про пожарные лестницы? Чтобы эффектно убегать от охраны? Впрочем, наблюдать за ней было забавно.

А потом она привела меня в библиотеку.

Это был удар под дых. Настоящий Хогвартс высотой в три этажа. Полки уходили под самый потолок, исчезая в полумраке. Казалось, если присмотреться, можно увидеть крошечных человечков, живущих среди книг. По винтовой лестнице медленно спускалась девушка, прижимая к груди толстый том.

—Ей не страшно? — вырвалось у меня. Вивиана посмотрела туда же.

—Нет, конструкции надежные. За пять лет никто не падал.

Я завороженно смотрела, как рыжая незнакомка легко спрыгнула с последней ступеньки и скрылась между стеллажами.

—В моем старом колледже библиотека была размером с кладовку… — прошептала я.

—Ты привыкнешь, — мягко сказала Вивиана, глядя наверх с каким-то религиозным умиротворением. — Я люблю здесь прятаться. Просто сидеть в тишине и читать…

Читать я тоже любила, гораздо больше, чем строить из себя уличную шпану, но признаваться в этом первому встречному ангелу было слишком рано.

Где-то вдали надрывно взвыл звонок.

—Черт! — подпрыгнула Вивиана. — Побежали!

—Куда? Какой предмет? — запыхавшись, крикнула я, перепрыгивая через ступеньку.

—Продолжение уголовного. У того же… Графа.

Я мысленно застонала, надеясь, что соседка не услышит поток брани в моей голове. Опять опаздываю. Если это войдет в систему, он напишет докладную отцу. А дальше начнется ад похлеще школьного.

Мы подошли к двери. Вивиана деликатно постучала.

—Здравствуйте, простите за опоздание, — пискнула она, заходя внутрь.

Я встала за ее спиной, скрестив руки на груди. Извиняться перед ним? Ну уж дудки.

Девид удивленно моргнул, увидев идеальную Вивиану вне расписания, но заметив мою мрачную тень, мгновенно надел маску холодного превосходства.

—Садитесь, мисс Смотт.

Она юркнула за свою парту и виновато покосилась на меня. Я ответила ей тяжелым взглядом, полным ненависти к человеку у доски.

—Коффин, — протянул он с интонацией уставшего патологоанатома. — Как я просил ранее. Ваше место — первая парта.

Не говоря ни слова, я прошла вперед. Села прямо, демонстративно положив перед собой пустые руки. Облокотилась щекой о кулак и вперила в него тяжелый, немигающий взгляд.

Мужчина выдержал паузу, посмотрел на меня в последний раз, затем отвернулся к окну и продолжил лекцию. Голос Девида убаюкивал своей монотонностью. Я хотела достать телефон, убить время лентой соцсетей, но карман был пуст. Ах да. Телефон остался в плену у Его Величества. Вздохнув, я перевела взгляд на улицу. Хотелось спать, но на первой парте отключаться опасно — прибьет учебником.

Внезапно Девид замолчал на полуслове. Резко повернулся лицом к аудитории и достал из тумбы стопку бумаги.

—А сейчас проверочная работа по текущей теме. Надеюсь, материал усвоен. — Его глаза нашли меня в первом ряду, но он обращался ко всем. — Это поможет нам найти оптимальный способ вашего обучения. Если база знаний слабовата, институт обеспечит дополнительные лекции и практику.

Он прошелся по рядам, раздавая листы. Варианты были разными. Мне достался первый.

Самый легкий, верно? Господи, пусть он будет легким.

—Если чего-то не знаете — не паникуйте. Дополнительные занятия проведут как коллеги, так и я сам. Можете приступать.

Проектор погас. Белая доска слепила глаза. Девид сел за свой стол, сложил руки домиком и снова уставился на меня. Он делает это специально. Знает, что я в уголовном праве — как юрист в стендапе — то есть плохо и совершенно не смешно. Ещё и посадил меня под микроскоп.

Я пробежала глазами первое задание. Прочитала второе. На третьем убрала листок. Читать дальше бесполезно, буквы складывались в белый шум. В голове вдруг всплыла фраза тети:

«Лучше сделать хоть что-то, чем сдавать пустой лист». Речь тогда шла явно не об экзаменах, но идея здравая. Сдаваться без боя я не собираюсь.

Ну что ж, дорогой мистер Графский. Вы хотели моих мыслей? Получайте.

Взяв ручку, я начала писать эссе. О том, почему Кай — идиот, Эстер — классическая пособница, а сам Девид Графский страдает комплексом бога.

Глава 4

К концу пары весь листок покрылся моим аккуратным, убористым почерком. Я перечитала написанное и не смогла сдержать улыбки — получилось дерзко, остроумно и чертовски обидно для его эго. Поставив размашистую подпись «Эшли Коффин», я осталась сидеть на месте, пока остальные сдавали работы.

Вивиана справилась первой. Проходя мимо моего стола, она бросила встревоженный взгляд, но я лишь подмигнула ей: мол, всё в порядке. Она заметно выдохнула и выскользнула за дверь. Аудитория пустела, а я продолжала водить ручкой по бумаге, делая вид, что дописываю гениальные мысли. На самом деле я просто тянула время. Краем глаза я ловила его взгляды — удивленные, изучающие. Пусть думает, что смог меня приручить. Пусть тешит свое самолюбие.

—Надеюсь, вам этой пары хватит, чтобы закончить? — наконец нарушил он звенящую тишину своим бархатным голосом.

Я поставила жирную точку, подняла голову и ослепительно улыбнулась:

—Я уже все!

Подойдя к его столу, я положила перед ним исписанный лист. У меня действительно красивый почерк — единственное, за что отец всегда хвалил меня без оговорок.

—До свидания, Графский. — Не удержавшись, я хихикнула, закинула сумку на плечо и почти бегом вылетела из кабинета.

Свобода! В коридоре я расправила плечи и с высоко поднятой головой пошла искать следующий кабинет. Ответы были идеальными! Я написала все, что думаю о нём. На его уроках невыносимо скучно — я чуть не уснула носом в парту! Голос у него монотонный, как звук бормашины. Пусть запишет себе голосовое и послушает на досуге… Иронично, что человек, которого так хочется критиковать, вдохновил меня на целое эссе. Думаю, чтение доставит ему массу удовольствия.

Едва ли не под самый звонок я нашла нужную аудиторию. Упав на стул рядом с Виви, я быстро достала тетрадь.

—Ну что, написала? — прошептала соседка.

—Конечно! Ты во мне сомневаешься? Ему точно понравится. — Я снова улыбнулась, открывая чистую страницу. — Боже, какое счастье, что уроки этого… зануды закончились.

—А ты забрала телефон? — вдруг спросила девушка, и моя улыбка сползла быстрее, чем снег с крыши весной.

Черт! Телефон. Реальный придурок! Мне нужно было забрать его, желательно телепортировавшись сквозь стену, чтобы не пересекаться с Девидом. Но как?

—Виви, где тут учительская? — тихо спросила я, пока седой профессор истории представлялся группе.

—На третьем этаже, возле 319-го. А что?

—Хочу вернуть свою собственность.

—Сама? А если заметит?

—Я буду мышкой! Он же самовлюбленный идиот… Да ведь?

—Вообще-то, Девид — один из самых умных преподавателей здесь, несмотря на возраст. Сюда дураков не берут, — поделилась Вивиана, но я пропустила её панику мимо ушей. Хорошие стороны Девида Графского меня интересовали меньше всего.

Я подняла руку, отпросилась в туалет и вышла, чувствуя спиной ее тревожный взгляд. Бедная девочка просто не знает моих навыков скрытности. Хотя, если честно, я сама о них только догадывалась.

Учительскую удалось найти без труда. Сердце екнуло: а вдруг он там? Приоткрыв дверь, я никого не увидела. Это мой шанс!

Быстро проскользнув внутрь и закрыв дверь, я начала сканировать столы. Если бы не именные карточки у мониторов, я бы искала вечность. Отыскав табличку «Девид Графский», я нагло принялась шарить по ящикам. Мой смартфон лежал на самом видном месте. Зачем-то Девид его выключил — видимо, уведомления мешали наслаждаться собственным величием.

Экран вспыхнул сотней пропущенных звонков и сообщений из соцсетей.

Прижав спасенный гаджет к груди, я развернулась к выходу, но было поздно. Ручка медленно поползла вниз. Инстинкты сработали быстрее мозга: я рухнула на пол и заползла под массивный дубовый стол. Это первое, что пришло в голову.

Кто-то вошел. Я боялась дышать. Лишь бы взял свои бумажки и ушел.

К моему ужасу, незваный гость прошел прямиком к столу Девида и начал выдвигать ящики. Только не это. Разве у него не пара? Но, по рукам я поняла, что это точно не Девид. Мужчина тоже рылся в чужих вещах, когда дверь снова скрипнула.

—Уилл? — раздался знакомый низкий голос.

Рука замерла в ящике. Незнакомец резко выпрямился.

—Девид! Привет, как жизнь? — слишком бодро протянул он.

—Что ты делаешь возле моего стола? — проигнорировал приветствие Девид, подходя ближе.

—Искал документы директору. Решил проверить, может, ты забыл сдать…

—Я всё сдал, Френсинсон. — перебил его Девид. — Не нужно переживать за мою работу.

—Он подошел к своему креслу и с грохотом задвинул нижний ящик ногой.

Я вжалась в стенку тумбы, подтянув колени к груди. Господи, только бы не задел туфлей. Как вообще объяснять ситуацию, если меня найдут? «Студентка прячется под столом преподавателя» — звучит как начало отличного отчисления.

Я сглотнула, косясь на дорогие брюки Девида. Пожалуйста, отвернись.

—Я переживаю, как бы от тебя не сбежали ученики, — снова подал голос этот скользкий тип Френсинсон. Его интонация была до тошноты мерзкой. — Слышал, богатенькая студентка опозорила тебя при всех.

Он говорил обо мне. Внутри всё сжалось. Неужели я реально унизила его? Радость победы мгновенно сменилась липким страхом.

—Много вы слышите, Уилл, — с холодным раздражением ответил Девид. — Вам настолько нечем заняться, что вы коллекционируете сплетни первокурсниц? Это довольно грустно.

Я едва сдержала смешок, но тут же вздрогнула от удара кулаком по столешнице.

—Не хами мне, Графский. Я знаю слишком много, чтобы ты позволял себе такой тон.

—Так почему не используешь эти знания? — в голосе Девида зазвучала ядовитая насмешка.

—Жду подходящего момента. Учти, в любой момент ты можешь оказаться за решеткой.

—Жду не дождусь, Френсинсон. Только не забудьте отыскать доказательства, которым поверят.

Мужчина что-то злобно прошипел, схватил папку со стола и вышел, громко хлопнув дверью.

—Я найду их! — крикнул он напоследок. — Смотри в оба, Графский.

Дверь захлопнулась. Я услышала тяжелый вздох Девида, шуршание бумаги — он ударил ладонью по стопке листов, выравнивая края, и, судя по звукам, углубился в чтение. Серьезно? Сейчас?! Когда я буквально корчусь у его ног, пытаясь слиться с линолеумом! Хорошо хоть есть телефон, будет чем себя занять.

Спустя пару минут тишина взорвалась громким хрустом сминаемой бумаги. Лист упал на пол. Затем послышался нервный смех и глухой удар кулака по дереву. Я подпрыгнула, прижимаясь к ножке стола еще сильнее. Он псих. Самый настоящий. Скосив глаза, я разглядела

на белом комке свою фамилию. Он прочитал мое письмо. Мою поэму ненависти. Так ему и надо.

—Как такая наивная дура вообще может что-то написать… — процедил он вслух. — Я слишком далеко улетел в облака.

Наивная дура?! Вот ублюдок. Жаль, снизу бить неудобно.

Он встал. Я зажмурилась, обхватив ноги руками. Пожалуйста, уйди. Просто выйди из кабинета.

—Если я мог подумать, что девчонка, которая даже «здравствуйте» выговорить не может, способна написать что-то разумное… — продолжал он говорить сам с собой, собирая вещи в сумку. — То пора заканчивать нянчиться с этими никудышными людьми вроде Эшли.

Хотелось выползти и расцарапать ему лицо. Да кто он такой?! Он не знает, кто мой отец! Моя семья вышвырнет его из этого города пинком под зад, если он хотя бы посмеет повысить на меня голос! Хотя думать о том, что буквально сегодня мы с отцом разругались вдрызг, сейчас не хотелось.

Застегнув сумку, мужчина направился к двери. Видимо, моя проза отбила у него желание читать дальше. Он наклонился за тем самым скомканным листком. Сердце ухнуло куда-то в желудок. Сейчас заметит. Точно заметит. Но нет, глаз на затылке у него всё-таки нет…

Выпрямившись, Девид шагнул к выходу. Я готова была вдохнуть полной грудью, но именно в эту секунду мой карман взорвался оглушительной трелью звонка.

Впопыхах отключая звук, я больно ударилась макушкой о дно столешницы. Гений тактического планирования. Я прижалась к стене плотнее, задержав дыхание, словно это могло сделать меня невидимой.

—Мисс Коффин, вы решили поиграть со мной в прятки? — через несколько секунд абсолютной тишины прозвучал его спокойный, убийственно вежливый голос.

Я сглотнула. Его рука легла на край стола. Длинные пальцы начали ритмично барабанить по дереву прямо над моими волосами.

—Я подумал, показалось. — Он не переставал стучать. — Думал, вы меня так взбесили своим письмом, что уже мерещитесь. Вылезайте.

Обреченно вздохнув, я медленно выползла из-под стола, как побитый зверек. К моему изумлению, Девид не выглядел взбешенным. Скорее, смертельно уставшим.

—Ну? — он оперся бедром о столешницу и внимательно посмотрел на меня сверху вниз. Я часто-часто заморгала, выглядя максимально нелепо.

—Что вы делаете в преподавательской… под моим столом? Мне искренне интересно.

—Я пришла за телефоном, — просипела я.

—Я же сказал, что верну после занятий. Вы не смогли потерпеть пару часов?

«Не хотела видеть твою физиономию», — подумала я, но промолчала, готовясь к тому, что он сейчас позвонит отцу.

—На первый раз я вас прощу, — вдруг устало произнес он, потирая переносицу. — Сделаем вид, что этой нелепости не было. А теперь уходите, пока я не передумал.

Мне столько всего хотелось выплеснуть — от извинений до оскорблений, — но горло перехватило спазмом. Было дико стыдно и одновременно безумно злобно на саму себя. Вырвавшись из учительской, я посмотрела на экран. Пропущенный от водителя. Меня хватило только на то, чтобы заблокировать вызов, а не перезвонить и не обложить его матом.

Пара закончилась. Я спустилась в холл, где у раздевалки меня ждала бледная Вивиана с моей сумкой в руках. Увидев меня живую, она засыпала вопросами о моем исчезновении и попутно рассказала, как старый математик полчаса ругал меня за прогул.

В машину я села выжатым лимоном, продолжая гореть со стыда. Водителю не сказала ни слова. А приехав домой, просто упала на кровать прямо в одежде и провалилась в черный, вязкий сон.

Глава 5

Девид был не менее уставшим чем Эшли. Но, признаться, она его удивила. Конечно же, не в очень хорошем смысле. Эта ненормальная сидела у него под столом ради того, чтобы забрать свой телефон. Подростки все такие, или она одна такая особенная? Мужчина не знал, если честно, сейчас ему было совсем не до этого. Пройдя к охраннику, он положил ключи от кабинета и вышел из института. Смотря на синее и голое, абсолютно без звёзд небо, поправил причёску, достал ключи от машины и, сделав пару щелчков, спокойно сел внутрь. Под конец дня действительно все силы уходят прочь, но выслушивать насмешки от обиженного жизнью коллеги, да и ещё терпеть выходки ненормальной студентки, только выводило из меня. Но все закончилось и наконец можно ехать домой. По пути дороги домой, мужчина безумно нервничал, все время постукивал по рулю машины, давил газ в пол, отдергивал передачи скорости. И даже так, на удивление, доехал он быстро и аккуратно. Припарковав машину, вошёл в подъезд, уже доставал ключи от своего дома, как заметил прямо на коврике, у входной двери записку.

Подняв ее, он открыл дверь и вошел внутрь. На пороге мурчал большой черно-белый кот, приветствуя хозяина.

-Привет, Лев. — ласково погладил кота Девид и переоделся.

Сняв пиджак, прошел в комнату и, сев на свою кровать, распаковал записку.

«Подарок от старых хозяев лежит на кухне.» — было написано в ней.

Намек Девид понял. Пройдя на кухню, он включил свет, и прямо на полу увидел чёрный большой перевязанный пакет. От него странно пахло и оставался мокрые следы. Присев на корточки, мужчина обрезал верёвки ножницами, из пакета сразу вывалилась голова старого знакомого Девида. Это был прошлый хозяин квартиры, который якобы съехал отсюда и отдал Девиду это помещение бесплатно, а сам уехал отдыхать. На самом-то деле этот человек прожил куда больше остальных, поскольку Девид давно не работает с теми людьми, с которыми сотрудничал и общался раньше, в знак дружбы они решили прислать тело их последнего

совместного плана. Очень удивительно, что спустя уже несколько лет они решили сделать такой подарок. Вытащив тело полностью из пакета, Девид весь свой негатив, который накопился у него за этот день, с удовольствием выплеснул на уже не живого человека. Было ли жалко ему этого человека? Конечно... Конечно нет. Такие ощущения он испытывает почти каждый день, ему не впервой делать что-то подобное с людьми, можно сказать, это одна из причин, по которой он ни разу не брал отпуск. Достаточно хороший отдых и расслабление доставляло ему разделка тела по частям. Если людям недостаточно месяцев лета, то этому мужчине достаточно почувствовать запах свежей крови.

Спустя три часа он наигрался. Пришло время избавляться от тела. Он достал много больших черных пакетов, напихал туда много мусора и в этот мусор затолкал части тела. Он расфасовал этот фарш из человека по мусорным пакетам вытер кровь, протер специальной кислотой пол. И выбросил мусор в мусоропровод.

Как ни в чем не бывало, он сел за свой рабочий стол, достал из чемодана папки с работами студентов. Он все ещё помнил работу Эшли. Он очень сильно удивился, что такая девушка как она, писала так долго и так много. Он в какой-то момент и вправду поверил, что она начала учиться. Как же он ошибался... Девчонка лишь посмеялась над ним. Расписала, какой он дурак, скучный, старый и седой дед. Что ему пора на пенсию. Что она спала на его скучном уроке, как и все другие студенты и много другой ерунды, что мог написать такой глупые ребенок, как Эшли. Он дальше даже не стал дочитывать. Просто скомкал листок и выкинул его. А потом решил воспользоваться этим и прочитать ее сочинение при всем классе.

Если бы не звонок, по которому он узнал телефон Эшли, она бы осталась в этом кабинете до завтрашнего утра! И о чем эта дура думала? Он бы просто закрыл ее!

Немного успокоившись, он все-таки проверил все остальные работы учеников, в них ничего необычного не было. Встав со своего места, он пошёл в ванную, лишь там он заметил, что его рубашка в красных пятнах. Пару пятен крови не так уж и страшны если сразу кинуть одежду в стирку.

Запустив стирку, захлопнул дверь ванной комнаты и ушёл спать, кот свернулся в клубок рядом с мужчиной уткнувшись мордой в его шею.

Глава 6

Выспаться мне не дали. Разбудил голод, резкий и выворачивающий наизнанку. Мой желудок явно не привык к голодовкам и забастовкам. Отец оставил мне ровно столько денег, чтобы я благополучно умерла с голода в первый же день, зато щедро выделил личного водителя, который теперь совмещал роли извозчика и надзирателя.

Позвонив ему и обрисовав ситуацию, уже через полчаса я жадно уплетала горячую лапшу в маленькой кафешке у кампуса. Мужчина молча пил свой американо, глядя в окно.

—Почему вы сразу не сказали, что дома пустой холодильник? — спросил он, наконец повернувшись ко мне.

—У тебя есть ключи от квартиры, — пробубнила я с набитым ртом. — Мог бы сам проверить.

Водитель промолчал, но взгляд его потяжелел. Кажется, до него дошло, что взаимности от Эшли Коффин ждать бессмысленно.

Я закинула в себя остатки еды, мужчина расплатился и отвез меня обратно к институту. Отец платит ему хорошие деньги. Будь зарплата скромнее, он бы давно сбежал от этой неблагодарной работы и от меня — девчонки, которая даже не удосужилась узнать его имя.

—До свидания, хорошего дня, — дежурно пожелал он, когда я выскользнула из теплого салона в морозную улицу.

Я ничего не ответила, хлопнув дверью чуть громче, чем следовало. Наверное, выгляжу как последняя хамка, но строить из себя милую девочку ради отцовских подачек выше моих сил. Он добр только потому, что это работа. Кто захочет возиться бесплатно? Особенно если этот

«кто-то» — ядовитая змея по имени Эшли Коффин.

В колледже я скинула пуховик и без труда нашла аудиторию. Снова Графский. Как выяснилось вчера, его пары будут частыми гостями в нашем расписании. Великолепно. Его физиономии за вчерашний день мне хватило с головой. Но выбора нет.

Студенты уже гудели внутри. За учительским столом сидел и сам виновник торжества, уткнувшись в какие-то бумаги. Мне было плевать, в какие именно.

Пройдя к свободной парте рядом с Вивианой, я упала на стул.

—Доброе утро, — она попыталась улыбнуться. — Расскажешь, что вчера было? Ты так и не вернулась на математику.

—Кошмар, — коротко бросила я, но, увидев тревогу в ее глазах, все-таки сдалась: — Я забрала телефон, спряталась под столом, а потом он нашел меня…

—И он даже отцу не позвонил? — округлила глаза подруга.

—Нет. — Я пожала плечами. — Наверное, устал больше моего. Виви глупо моргнула:

—А что ты написала на том листочке?

—Всю правду о Графском. Он же невыносимый… Скучный, старый зануда.

—И он даже за это ничего не сказал?

Я задумалась. Стоп. Действительно странно. Почему он просто вернул работу? Он точно знал почерк, видел мое имя и был в ярости...

Украдкой взглянув на Девида, я нахмурилась. Что скрывает наш идеальный преподаватель уголовного права?

—Лучше расскажи про математика, — перевела я тему.

—Переписать конспект не хочешь? — приподняла бровь Виви.

—Не-а, лень, — честно призналась я. Девушка лишь слабо усмехнулась.

Звонок прозвенел оглушительно громко, но нас это не остановило. Мы продолжали перемывать кости преподавателю математики — оказалось, Вивиана ненавидит старика еще сильнее моего. Заткнулись мы только после двух гулких ударов кулаком по кафедре.

В кабинете повисла звенящая тишина. Между мной и Девидом словно сверкали молнии. Обведя студентов тяжелым взглядом прокурора, Графский прошелся вдоль рядов, создавая видимость строгого ректора.

—Итак, — начал он бархатным голосом, от которого у других девочек обычно подгибались колени. — Я горд вашими работами. Приятно видеть, что вы знаете свои права.

Он включил проектор. Пришлось достать тетрадь и делать вид, что строчу лекцию. К счастью, урок шел спокойно. Под конец презентации начались вопросы. Девид отвечал на каждый подробно, приводя примеры, но я пропускала слова мимо ушей. Пока кто-то не спросил про проверку вчерашних эссе.

Мужчина улыбнулся уголком губ и подошел к столу. Перебирая листы, он называл фамилию и оценку. Студенты подходили забирать свои труды. Некоторых он хвалил. Когда в его руке остался один-единственный лист, он аккуратно разгладил его пальцами, и тут до меня дошло. Это моя поэма ненависти.

—Попрошу тишины. Сейчас будет зачитана работа одной из самых... талантливых студенток курса.

Облокотившись на стол, он держал бумагу двумя пальцами, едва сдерживая ухмылку, хотя лицо сохраняло маску суровой серьезности. Через пару минут аудитория действительно затихла. Воспользовавшись моментом, Графский решил не тянуть кота за хвост:

—«Грубый, эгоистичный тиран, издевается над студентами, не дает шанса получить поддержку, загружает работой. Старый, начесанный мудила!»

Он прочитал всё. Каждое слово, включая то самое, цензурное. Мои щеки вспыхнули огнем стыда и злости.

Подняв голову, он поймал мой мечущий взгляд.

—Эшли Коффин, заберите, пожалуйста, свою работу. Спасибо, что решили признаться в своих чувствах открыто.

Тишина взорвалась сдавленными смешками и шепотками. С задних парт послышался чей-то выкрик, но я не разобрала слов — в ушах стоял гул крови. Девид продолжал улыбаться своей идеальной улыбкой маньяка, ожидая, когда я заберу бумажку. Ну и мудак. И в чем я была не права?

Вивиана недобро зыркнула на одногруппников, а затем сочувственно положила руку мне на плечо.

—Слушай, ты не должна...

Она не успела договорить. Я встала и с абсолютно каменным лицом пошла к учительскому столу.

Забрав листок, я подняла на мужчину темные от бешенства глаза.

—Никогда не думала, что педагог, которым все восхищаются, способен публично унижать студента. — прошипела я.

Кинув последний испепеляющий взгляд, я развернулась и схватила сумку, направляясь к выходу:

—Не имею ни малейшего желания находиться в месте, где преподаватели самоутверждаются за счет студентов!

Я вышла из кабинета. Спустя секунду прозвенел звонок. За спиной тут же затопали каблуки Вивианы.

—Все хорошо? Ты не плачешь?..

—Плакать из-за этого убожества? Еще чего! — фыркнула я, хватая подругу за руку и уводя подальше от двери. Конечно, я была зла, но плакать? Из-за учителя? Да он слишком жалок для моих слез. Но и злиться вечно нельзя, нужно выдохнуть.

Я пришла в себя только у следующей аудитории, осознав, что сжимаю ладонь Виви стальной хваткой. Отпустив ее, я встретила недоуменный взгляд.

—Зачем ты портишь себе рейтинг в первую же неделю?

—Виви, мне плевать на оценки, — спокойно сказала я.

—Как это плевать? Тебя отчислят! Это престижный вуз, сюда сложно попасть и легко вылететь!

—Если вылечу — буду счастлива. — Виви открыла рот, но я перебила: — Пошли в кафе, кушать хочу.

—Я просто в шоке с тебя.

Мы купили по булочке с маком и стаканчики кофе. После перекуса жизнь показалась немного лучше. Следующие пары пролетели незаметно — время всегда летит быстрее, когда листаешь ленту в телефоне и мечтаешь оказаться дома. Я сидела на последней парте, прячась за экраном, пока не наткнулась на видео с байкерами. Сердце болезненно сжалось. Господи, как же хочется оседлать своего черно-фиолетового зверя и уехать отсюда навсегда.

Учебный день наконец умер. Виви помахала мне рукой и скрылась за поворотом, а я осталась мерзнуть на ступенях института, высматривая машину водителя.

—Ну и где он?! — бормотала я, прыгая на месте и дуя на окоченевшие пальцы. Сзади раздались шаги и теплый выдох в шею.

—Что случилось, леди? Карета уехала без вас?

Резко обернувшись, я увидела знакомое лицо. Девид. Заметив меня, его вежливая маска сползла. Похоже, со спины он меня не узнал и сейчас был удивлен не меньше моего. Настроение рухнуло еще ниже, хотя казалось, куда уж хуже?

Я медленно осмотрела его с ног до головы оценивающим взглядом.

—Карета уже дымится в ожидании, — съязвила я. — А вас что занесло? Белый конь сбросил седока?

Мои губы дрогнули в слабой улыбке. Фонарь светил ему в спину, лица почти не видно, но напряжение ощущалось физически.

—Вы, наверное, и его довели своими речами? В таком случае я его понимаю. От такого хама любой сбежит.

Достав руки из карманов, я пыталась их согреть дыханием.

Мужчина нажал кнопку на брелоке. Где-то впереди пикнула сигнализация черного BMW.

—Пока у меня есть ключи, мой железный конь смирно ждет вечера. А вы не можете продержаться на одном месте и получаса.

Он отвернулся, собираясь уйти, но, видимо, совесть кольнула:

—Ты уверена, что тебя заберут?

—Абсолютно! — отрезала я, снова начиная пританцовывать от холода. В сумке вдруг раздалась трель. Я выхватила трубку:

—Ты где ползаешь?! Хочешь, чтобы я примерзла к асфальту?!

—Мисс Коффин, я не заберу вас сегодня, — холодно ответил водитель.

—Чего?! — задохнулась я. — Ты серьезно?! Ты не мог раньше сказать?! — Я сделала глубокий вдох, пытаясь не сорваться на крик. — Тогда скинь деньги на такси.

—Нет

—В смысле «нет»?

—Мистер Коффин задерживает оплату моих услуг.

—Меня это не волнует! Проси у отца! Я не поеду на метро с пересадками!

Связь оборвалась, но через мгновение заиграла другая мелодия. Отец. Я поморщилась, но приняла вызов.

—Да? — уже тише спросила я. — Почему твой цепной пес отказывается работать?

—Мы готовимся, Эшли. И ты была на громкой связи, — его тон был таким же грубым, как асфальт.

—К чему готовитесь? — проигнорировала я шпильку.

—У миссис Цепкин юбилей. Или ты забыла день рождения родной тети?

Внутри всё заледенело. Холод пополз от пяток к затылку. Боже, я совсем забыла! Слишком много событий навалилось разом. Но отцу знать об этом необязательно.

—Я помню, — сухо ответила я. — Но это не отменяет того факта, что я стою на улице без копейки! Скинь мне на карту, или, клянусь богом, я кого-нибудь ограблю прямо сейчас!

Отец бросил трубку. Я злобно топнула ногой, переименовала контакт «Отец» в «Предатель» и сунула телефон в карман. Только подняв голову, я поняла масштаб катастрофы. Домой придется идти пешком.

—Вам бы в театральный с такими скандалами, — раздался сзади спокойный голос Девида.

—Дадут роль главной истерички.

—Я думала, вы уже умчали вдаль, — процедила я, разворачиваясь.

Он не ответил. Просто пошел к машине, но вместо того, чтобы проехать мимо меня, остановился возле и спустил окно.

—Могу сделать одолжение избалованной принцессе. Исключительно из душевной доброты.

Я заглянула в салон. Черный BMW не что по сравнению с моим байком или моей малышкой АУДИ, но тоже неплохо.

—Знаете, хоть вы и преподаете право, но садиться в машину к незнакомому мужчине, который подъезжает к одинокой девушке в темноте — верх глупости. Нас учат, что к чужим дядям лезть нельзя.

Девид опер локоть на раму окна, приставив палец к виску в жесте глубокого мыслителя.

—Что ж... Наверное, твоему папе будет проще найти тебя замерзшей в сугробе, чем узнать, что домой тебя подвез преподаватель.

Он положил руку на ручник, снимая машину с тормоза. Медленно. Давая мне шанс.

Я смотрела на удаляющийся бок машины, чувствуя, как ненависть к этому человеку выжигает легкие. Не выдержав перспективы прогулки по ледяному аду, я обошла капот и плюхнулась на переднее сиденье. Указав адрес, начала изучать дешевый пластик салона. Не бизнес-класс, но пойдет. На большее от старого бедного учителя я и не рассчитывала.

—Пристегнись, — попросил он.

Я проигнорировала, уставившись в погасший экран телефона. Лишь бы не ловить этот пронзающий взгляд.

Второй раз просить он не стал. Лишь резко дернул коробку передач, отпустил тормоз, от чего меня сильно качнула. Я нахмурилась, но все же потянулась за ремнем безопасности. Хотя рядом с ним безопасности совсем не чувствовалось. Ехали молча, дыша друг другу негативом. Я косилась на него, он сверлил глазами дорогу.

—Машину золотом не украшаю, прости, — грубо бросил Девид, не отрывая рук от руля. Я смолчала, но воздух в салоне можно было резать ножом.

Мы проехали большую половину пути, повезло, что квартиру была не так далеко расположена от корпуса. Не придётся долго сидеть с этим занудным человеком.

—Судя по всему, папа у тебя строгий. Думаю, ему будет интересно послушать записи ваших бесед и взглянуть на твои письменные работы. Если надо, принесу оригинал прямо на дом. Уверен, мистеру Коффину понравится такой подарок.

Он завернул во двор, но не стал подъезжать к самому подъезду. Он поднял на меня глаза, хитро прищурившись, взял телефон и начал делать вид, что набирает номер моего отца.

—Я слышал, намечается торжество? Думаю, новости о поведении дочери придутся кстати.

Я похолодела. Шантаж. Вот же мразь. Колени не подкосились, падать в ноги я не собиралась, но живот свело липким страхом. Позвонить отцу ему никто не помешает. Наши отношения и так висят на волоске. Если я проколюсь здесь, отец придумает наказание пострашнее закрытого института. Мне страшно представить, куда он может меня запереть.

Не думая, я перегнулась через ручной тормоз, схватила его телефон и с силой зажала красную кнопку, прерывая вызов. Затем резко открыла свое окно, выставила гаджет на улицу, прямо под падающий снег, и посмотрела на преподавателя убийственным взглядом:

—Мистер Графский, я понимаю, что курсы педагогики прошли мимо вас, но угрожать студентам и шантажировать их — это перебор, вам не кажется?

Руку начало ломить от холода, кожа покраснела, но я продолжала держать телефон над пропастью улицы.

—Мне плевать на ваши мотивы и вашу неприязнь. Хотите — вышвырну ваш телефон в канализацию. Хотите — выйду прямо здесь и дойду пешком. Спасибо за попытку помочь.

Я втянула руку обратно, потянувшись к дверной ручке.

Внезапно щёлкнул ремень. Девид вышел из машины, обогнул капот и рывком открыл мою дверь.

—Раз ты такая самостоятельная — чудесно. Я пойду с тобой, поговорю со взрослыми лично.

Он навис надо мной, осматривая с головы до ног. Взгляд задержался на моей красной, мокрой от снега руке.

Это переходило все границы. Кинув его остывший телефон на пассажирское сиденье, я выбралась наружу и плечом оттолкнула его, освобождая проход.

—Опять не попали, — хотелось рассмеяться, но сил хватало только на кривую ухмылку.

—Я живу одна. И, как вы верно заметили, у папочки праздник. Ему сейчас не до истеричных учителей, бегающих за его дочкой жаловаться.

Я прошла мимо него, закинув сумку на плечо. Ни прощаний, ни благодарности. Лучше бы правда села в автобус, чем выслушивать этот высокомерный бред.

Ни разу не обернулась, хотя кожей чувствовала прожигающий взгляд в спину. А может, это просто ледяной ветер догнал.

Дом встретил меня благословенной тишиной. Горячий душ, теплый ужин, зубная щетка.

Упав в кровать, я прижала к груди телефон.

Написала Мартину. Ответа не последовало, хотя статус горел «был недавно». В конечном итоге сон сморил меня прямо с гаджетом в руках.

Глава 7

Сон накрыл меня глухим, тяжелым одеялом — таким плотным, что реальность за его пределами просто перестала существовать. Я отсыпалась так самозабвенно, словно копила эти часы целую вечность, наверстывая неделю бессонницы. Мир сузился до мягкой темноты под веками и блаженного забытья. И я бы утонула в нем до самого заката, если бы не этот чертов телефонный звонок, вонзившийся в тишину спальни, как ржавый гвоздь.

Не разлепляя ресниц, я слепо пошарила по тумбочке. Пальцы наткнулись на холодный телефон.

—М-м? — прохрипела я в трубку, даже не надеясь на членораздельную речь.

—Эшли, ты спишь, что ли!? Хотя кого я спрашиваю…

Сон испарился мгновенно. Голос Эмили ударил по нервам не хуже ледяного душа или звонкой, унизительной пощечины. Тело прошило током, вырывая из уютного кокона прямо в колючую явь.

—Какого черта тебе нужно с утра пораньше? — процедила я, морщась от одной только мысли о необходимости говорить с ней.

—Уже вообще-то обед.

—Да плевать мне который час, чего звонишь?

—Лично мне — ничего, — съязвила она. — Но отец просил передать, чтобы ты соизволила явиться на юбилей тети…

Я замолчала. На самом деле, побывать там хотелось. Юбилей тетушки Клары обещал быть неприлично роскошным — уж я-то знала ее вкус к красивой жизни. Мне нравилась сама тетя, искренне. Видимо, это именно она дернула отца за рукав. Не стал бы он приглашать меня сам после того, как выставил из дома едва ли не пинком под зад. Ну да, конечно. Только ради нее…

Если надо сыграть роль любящей племянницы для единственной родственницы, которая этого заслуживает, — пусть будет так.

—Слушай, у меня нет времени на твои нотации, можешь даже не начинать, — бросила я, опережая сестру ровно на ту мысль, которую она собиралась озвучить. — Я приду. Во сколько начало?

Эмили помолчала пару секунд, явно разочарованная моим смирением, сухо бросила время и отключилась. Даже «пока» не заслужила.

Я швырнула телефон обратно на простыню. Полежала еще мгновение, собирая волю в кулак, заставила себя встать… и тут же рухнула обратно, вспомнив про сообщение Вивианы.

«Ви, спасай. Пойдешь со мной пытать торговые центры?»

«Давай, а куда?» — через минуту прилетело спасение.

«Туда, где ценники заставляют плакать. Мне жизненно необходимо затмить мою невыносимую сестрицу».

«Оу, звучит интригующе! Буду через полчаса у твоей любимой кофейни!» Улыбка тронула губы впервые за утро. Я скинула ей адрес и побежала в душ.

Мартин, разумеется, молчал. Что ж, неудивительно — парень вкалывает в ночные смены, ему сейчас точно не до моих драм. Жаль, думала, хотя бы подбросит. Ладно, переживем. К счастью, заботливый папочка накануне перевел на карту сумму, которой хватило бы на хороший подарок и наряд.

Нажав кнопку вызова такси, я отправилась навстречу потребительскому разврату, где меня уже ждала Виви.

—Привет, — улыбнулась она, откидывая свои идеальные светлые волосы за спину.

—Приветик, сегодня мы идем грабить бутики!

Мы нырнули в прохладное чрево огромного торгового центра. Час тек за часом. Мы методично прочесывали зал за залом, игнорируя милые сердцу бренды. Вивиана млела от шифона, летящих силуэтов и нежных пастельных тонов, но я искала другое.

—Как тебе это? — Виви вытащила нежно-голубое платье, расшитое тысячей мелких стразов, ловивших свет.

Я лениво скользнула взглядом по ткани.

—Кидай в корзину.

—Тебе нравится? — просияла подруга.

—Нет, оно мне не подходит. Этот цвет превратит лицо в бледную моль, а фасон сделает плечи шире айсберга.

—Тогда зачем?!

—Потому что оно создано для тебя, — я приподняла бровь, оценивая подругу профессиональным взглядом хищницы. — Посмотри, как бирюза сливается с твоими глазами. А талию оно обнимает так, будто скульптор лепил.

—Эшли, прекрати, я не могу позволить себе такие вещи…

—Никогда не смей называть мои деньги проблемой, — нахмурилась я, глядя на нее. — Если я притащила тебя сюда, значит, шопинг сегодня парный. Денег хватит, поверь моему чутью.

Вивиана смотрела на меня большими, испуганными, но счастливыми глазами, переводя взгляд с моего лица на ценник.

—Ты уверена? Мне ужасно неловко… Мы ведь пришли одевать королеву бала, то есть тебя.

—Королева обойдется, — устало выдохнула я. — Бери. Это аванс за нашу дружбу. Ты единственная нормальная душа во всем этом институте лицемерия.

—Ну… если ты настаиваешь… — Она все еще боялась дышать на ткань.

—Запомни, Эшли Коффин никогда не жалеет денег на тех, кто ей дорог. — И это была чистая правда. — Носи на здоровье.

—Спасибо, — тихо выдохнула Виви, и в ее глазах вспыхнул тот самый огонек чистого восторга. Ради него стоило потратить целое состояние.

Подарок для тетушки нашелся подозрительно легко — тяжелый флакон духов «Clive Christian» с нотами уда и ванили, которые та обожала. Сложнее оказалось найти наряд для самой себя. До последнего казалось, что день пройдет впустую. Но когда мы зашли в последний салон перед выходом, сквозь стеклянную витрину на меня взглянуло оно.

Алый шелк струился вниз водопадом дорогой крови. Линия талии перетянута так изящно, что перехватывало дыхание. У плеч манекена небрежно, но царственно лежал воротник из густого белого меха — дерзкий штрих абсолютной власти.

—Заверните вот это, — кивнула я, чувствуя, как внутри просыпается азарт.

—Вот это?! — ахнула Виви позади. — Я ожидала чего угодно, но… Оно безумное.

Идеально-безумное.

—Я знаю.

Продавцы засуетились вокруг с угодливыми улыбками акул, почуявших кровь (точнее, запах моей черной карты). Пока оформляли покупку, мой цепкий взгляд зацепил стойку с аксессуарами. Черные перчатки из тонкой кожи с росчерком того же пушистого меха на запястьях. Без них образ был бы неполным. Пришлось брать.

Согревшись чашкой отличного кофе в маленькой блинной, мы разъехались. За мной, наконец, прислали отцовский экипаж. Водитель выскочил открыть дверь, сверкая дежурной голливудской улыбкой.

Дома время понеслось галопом. Горячий воздух фена, облако парфюма, идеальный кошачий глаз, укладка волос мягкими волнами. Когда алый шелк окутал тело, зеркало отразило незнакомку — опасную, сияющую, готовую к бою.

Спустившись в лобби, я села на заднее сиденье кожаного салона.

—Прекрасно выглядите, мисс Коффин, — почтительно заметил водитель в зеркале заднего вида.

—Благодарю, — отрезала я без тени тепла. Этого типа я запомнила еще с прошлого раза, когда из-за него пришлось ехать в одной машине с Девидом, возомнившим себя центром вселенной.

Дорога прошла в вязкой, напряженной тишине, разбавленной лишь тихим джазом. Огромный небоскреб отеля встретил нас холодным блеском мрамора. Я чуть заметно поморщилась, выходя из машины. Отец хотел закатить здесь мое восемнадцатилетие. Вспоминать смешно. Моей душе нужен был ночной город, скорость, музыка, разрывающая динамики старого кафе, друзья, закуски и сериалы до утра. Романтика взрослой жизни оказалась фальшивой позолотой. Жаль, что вышло именно так.

Водитель заглушил мотор и вышел следом за мной, изображая почетный караул. Нас быстро опознали, провели мимо швейцаров к панорамному лифту, вознесшему нас под самые облака.

—Добрый вечер, мисс Коффин, — охранник расплылся в улыбке, открывая двери пентхауса.

—Где мистер Коффин?

—Вас ждут у окна.

Я шагнула в зал, утопающий в золоте приглушенного света и смехе десятков голосов. Силуэты у панорамного стекла были знакомы до боли. Высокая фигура отца и рядом с ней — тонкая, вытянутая, как восклицательный знак, Эмили.

—Рад, что ты смогла, — отец растянул губы в своей фирменной покровительственной улыбке.

—Привет, отец, — отозвалась я такой же полуулыбкой-полуоскалом.

Эмили молчала, изучая пол. Я же беззастенчиво сканировала ее наряд. Дешевая драма. Облегающее цвета утренней розы блестящее платье, грудь почти выпадает из глубокого декольте, обнаженная спина, прикрытая жидкими светлыми волосами. Свежий маникюр — длинные белые стилеты идеальной формы. Тонна макияжа, пытающаяся сделать тонкие губы пухлее, а блеклые глаза — выразительнее. Белоснежная микро-сумочка, черные шпильки. Жалкая попытка выглядеть дорого.

—Эшли, Эмили, — отец повернулся к нам, и его голос вдруг потерял игривость, став жестким. — Сегодня важный день для вашей тети. Я очень прошу вас обеих держать челюсти закрытыми.

Серьезно? Это весь его гениальный план по примирению дочерей? Он действительно считает нас двумя истеричными дошкольницами? Ладно Эмили, она всегда была эмоционально нестабильной, но я-то…

Мы встретились взглядами над головой отца. Ни одна из нас не произнесла ни звука.

Холодное перемирие.

—Не опозорьте фамилию.

Он заглянул каждой в глаза. Его обычно бледно-кофейные радужки потемнели, превратившись в две непроницаемые лужицы нефти. Отец шумно вздохнул, обошел нас и растворился в гостях.

—Неплохо смотришься, — нарушила тишину Эмили. В ее голосе не было ни капли одобрения, только яд.

—Взаимностью ответить не могу, — процедила я, смерив ее скучающим взглядом.

—Я понимаю, что ты отстала от общества, и, по всей видимости, перестала понимать человеческий язык, но отец просил нас не ругаться.

—Чтобы не ругаться со мной, научись держать рот на замке.

Дожидаться ответа я не стала. Развернулась на каблуках и направилась к бару. Для общения с ней мне понадобился бы запас дзен-буддиста, а мой лимит терпения сгорел еще десять лет назад.

Устроившись на высоком стуле, я положила сумочку на столешницу и подозвала бармена.

Узнав меня, парень профессионально разулыбался и принялся за мятный мохито.

Ледяной стакан приятно холодил пальцы. Потягивая коктейль через трубочку, я кожей ощущала чей-то пристальный, физически тяжелый взгляд. Людей было много, потому осматриваться и искать тот самый взгляд было бы странно. Я продолжала пить, но напиваться совсем не собиралась. Отдать подарок тете хотелось в трезвом состоянии. Кстати, где виновница торжества? Зная Клару, она готовит какой-нибудь театральный выход, который затмит падение метеорита. Я всегда пыталась предугадать ее сюрпризы, иногда даже получалось.

—Налей мне, пожалуйста, как обычно. Не хочу этих ваших приторных реверансов, — раздался сзади низкий, знакомый до дрожи голос.

Я резко обернулась, забыв про свой мохито. У соседнего высокого стула стоял мужчина.

Бармен уже протягивал ему бокал с ядовито-зеленой жидкостью.

—Вильям Андерсен? Какая неожиданная встреча, — протянула я из чистой вежливости. Этот человек не вызывал во мне ничего, кроме глухого раздражения и легкой брезгливости. Его присутствие в списке гостей выглядело форменным недоразумением: их деловые связи с отцом давно покрылись пылью и были разорваны со скандалом.

Вильям тяжело облокотился локтем о столешницу бара, пошатнувшись на высоком стуле.

Он пьяно улыбнулся, фокусируя мутный взгляд на моем лице:

—Здравствуйте, юная леди… Давненько не виделись составите компанию старику?

Он был пьян до состояния полного распада личности. До такой степени, что даже не узнал меня. Что ж, взаимно. Я не испытала ни капли разочарования.

Составлять партию этому ходячему источнику перегара хотелось меньше всего. Отмахнувшись от него парой ничего не значащих фраз, я отвернулась к зеркальной стене за

баром и потянулась за телефоном. Черный экран безжизненно отразил мое лицо. Связи здесь не было. Отец обожал эту фишку с «глушилками».

«Не просиживай жизнь в экране, Эшли, — всплыл в памяти его снисходительный тон. — За твоей спиной живые люди, идет праздник. Попробуй тоже пожить».

Уголки моих губ дрогнули в усмешке. Стоило обернуться и скользнуть взглядом по холеным лицам родственников, как любое желание веселиться выветривалось. Может, найти тетю? Не зная, куда еще деть руки, я развернулась прочь от стойки.

Я не надеялась застать именинницу врасплох, но догадывалась, где она прячется. Однако сделать шаг не успела. Мимо, едва не сбив меня с ног плечом, промчался Вильям. Его качнуло так сильно, что он впечатался в колонну, пробормотал проклятие и скрылся в толпе.

Перебрал окончательно. Пожав плечами, я направилась на поиски единственной живой души на этом балу уродов.

Тетя обнаружилась там, где и должна была быть — в маленькой гостевой комнате для отдыха. Она сидела перед огромным трюмо, заканчивая макияж. Ее волосы цвета выбеленного льна, доведенные до такого оттенка агрессивным осветлением, тяжелой волной стекали по обнаженной спине. Блестящее платье цвета глубокого таинственного океана облегало фигуру, а длинные атласные перчатки до локтя заставили меня невольно улыбнуться — они были точной копией моих.

—Твое лицо прекрасно само по себе. Вся эта штукатурка тебе не нужна, — сказала я, подходя ближе.

—Ты же знаешь, красавицей быть мало, — Клара закончила выводить идеальную стрелку на правом веке и промокнула кисточку. — Мне нужно быть ослепительной, Клубничка.

Клубничка. Мне не очень нравилось это прозвище, зато их боготворила Эмили. Малинка. С самого нашего младенчества тетя нянчилась с нами, навязывая эти дурацкие прозвища и вязаные шапочки в форме ягод. Малинка и Клубничка. И хотя слово «клубника» не вызывало у меня радости, при Кларе я всегда улыбалась. Только мы двое знали правду: тетушка сходила

с ума по клубнике, а малину тихо презирала. Раньше любила, пока та не вызвала жуткую аллергию. Ха!

—Знаю-знаю, ты не терпишь подарков раньше полуночи, но… — я запустила руку в сумку.

Клара тут же крутанулась на стуле ко мне лицом.

—Дай-ка угадаю… — задумчиво прикусила губу она. — Либо очередная безвкусная бижутерия, либо очередной флакон убийственной парфюмерии.

—Одно из двух, — эхом отозвалась я, доставая тяжелый хрустальный прямоугольник духов с нотами ванили. —

Клара взяла флакон, щелчком открыла крышку, брызнула на запястье и втянула запах с видом гурмана.

—Я знала, что у тебя есть вкус, Клубничка, — блаженно зажмурилась она, но тут же распахнула глаза и уставилась в зеркало. — Малинка меня сегодня вообще ничем не удивила.

—Эмили умеет удивлять только своей предсказуемостью, — я равнодушно дернула плечом. — Кстати, чем она решила тебя порадовать?

Вместо ответа блондинка свободной рукой выдвинула ящик туалетного столика и извлекла оттуда легкую золотую цепочку.

—Золото… — поморщилась я.

—Ненавижу этот металл, — договорила за меня Клара. — Серебро. Только серебро. Оно подходит к моим глазам. К моему нежно-небесному цвету.

—Скорее, к оттенку северного моря в штиль… — тихонько хихикнула я.

—Небо мне нравится больше, — отрезала тетя. — Лететь приятнее, чем захлебываться в темной воде.

—Если умеешь плавать, не утонешь… — процедила я сквозь накатившую вдруг тоску.

—Если умеешь летать, никогда не разобьешься, — мягко улыбнулась Клара и резким, точным движением нарисовала вторую стрелку.

Она повернулась, встала. Платье струилось водопадом шелка, высокий разрез открывал ногу, V-образный вырез на груди. Ей точно сорок? Выглядит на восемнадцать, максимум.

—Клара! — Голос отца ударил по нервам из коридора.

—Да, братик? — сладко пропела тетя. Отец вошел, морщась:

—Не называй меня так при посторонних… — Он осекся, заметив меня, и мгновенно выпрямил спину, натягивая маску патриарха. — Не видела мистера Андерсена?

—Нет, а что такое? — Клара картинно округлила глаза.

—Мне срочно нужно с ним поговорить. По личному вопросу.

—Он перепил у бара, а потом пошел кормить мужской туалет, — буднично сообщила я.

Брат и сестра синхронно обернулись. На лице Клары плясали смешинки, Ричард же побагровел.

—Что за выражения, Эшли! Следи за языком! — рявкнул он.

—Тебе не нравятся мои выражения? — Я медленно, хищно двинулась к нему, сокращая дистанцию.

—Мы это уже обсуждали, милая.

—Правда? — Мой голос сочился чистым ядом. — Странно, память подводит. Наверное, ты спутал меня с идеальной Эмили? Втолковывал ей правила этикета, пока твоя вторая дочь выживала в самом грязном районе города?

Лицо отца окаменело. Улыбка сползла и с лица тети, она нахмурилась, переводя недовольный взгляд с меня на брата.

—Эшли, — он проигнорировал взгляд сестры. — Будь любезна, приведи сюда Вильяма.

Классический маневр заткнуть мне рот. Выпроводить подальше, чтобы не портила своим ядовитым присутствием семейную идиллию. Прекрасно. Раз ему так неймется.

—Как пожелаете, Ричард Коффин, — я сделала идеальный реверанс, кривляясь. — Разве такая глупая девочка, как я, может ослушаться главу рода?..

Не дожидаясь ответа, я вылетела из комнаты. Настроение рухнуло в подвал. Если бы не Клара, я бы ушла прямо сейчас. Хотя кого я обманываю? Я бы вообще не переступала порог этого цирка. Сборище кровных врагов под одной крышей. Мерзость.

Сейчас отец наверняка рассказывает Кларе, какая я неблагодарная, дерзкая дрянь…

Так, хватит рефлексировать. Вильям. Нужно найти этого алкоголика. Пусть папочка отвлечется на реанимирование своего бизнес-партнера и забудет обо мне хоть на полчаса.

У барной стойки пусто. В пульсирующем разноцветными бликами толпе танцпола — тоже. Зато там мелькал Аран — сын Клары. Старше нас с Эмили всего на полтора года, но гордости хватило бы на королевскую семью. Самодовольный павлин, коллекционирующий женские взгляды. А вокруг него вилась стайка девиц, готовых раздеваться по щелчку пальцев. Меня замутило от этой картины. Я поспешно отвернулась, пока кузен меня не заметил, и быстрым шагом направилась к мужскому туалету в конце коридора.

Дверь оказалась незапертой. Свет внутри горел ровным мертвенно-белым светом, но звуков слышно не было. Ни шума воды, ни характерных утробных звуков.

—Мистер Андерсен? — позвала я, заглядывая внутрь. — Вас ищет… Ричард Коффин.

Ответом стала абсолютная тишина. Либо мужчине стало настолько плохо, что он потерял сознание, либо… его просто нет. Второе мало вероятно, ведь где ему ещё быть, кроме как не у барной стойки, если не здесь?

Ну ладно. Ломиться в мужской туалет дальше было бы верхом неприличия. Уже разворачиваясь, чтобы уйти обратно в зал, я замерла. Воздух резко изменился. В нос ударил густой, медный, железистый аромат. Запах свежей крови.

Внутри все оборвалось и ухнуло вниз. Сердце пропустило удар, а затем забилось в горле тяжелым молотом. Господи, как же знакомо пахнет этот страх…

Я снова толкнула дверь, теперь уже сильнее:

—Мистер Вильям? Вы здесь?

Молчание. Я затаила дыхание, вслушиваясь в ватную тишину. Там определенно кто-то был. Шорох ткани. Едва уловимый скрип подошвы. Вильяму действительно стало плохо. Стоит звать охрану или…

Мысль оборвалась. Ручка поддалась моим пальцам, бесшумно опустившись вниз. Дверь послушно, приглашающе отворилась.

—Мистер Вильям? — повторила я уже гораздо тише, чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

Я была готова увидеть все, что угодно: блевотину, разбитое лицо после падения, да даже самого полуголого мужчину. Готова была вызвать врача. Но реальность оказалась страшнее любого кошмара. Вместо пьяного мужчины на белоснежном кафельном полу лежало изувеченное тело. Весь пол превратился в багровое озеро. Густая жидкость лениво стекала с края раковины тяжелыми каплями, собираясь в лужицу.

—Что-то случилось, мисс Коффин? — пророкотал низкий бас прямо из тьмы уборной.

По позвоночнику вверх-вниз пронесся табун ледяных мурашек. Пульс взбесился, зашкаливая, крича каждой клеткой тела: «Беги! Прячься!» Но ноги примерзли к полу. Мышцы отказались слушать мозг, парализованные первобытным ужасом.

—Может, ты заблудилась? — продолжил голос, который казался мучительно знакомым. Где-то на дне подсознания зазвенел тревожный колокольчик узнавания. — Бедная девочка… Позволь мне помочь тебе выйти?

Из густых теней в углу метнулась смазанная тень. А затем в полосу света неспешно, вальяжно вышел знакомый силуэт. Девид Графский.

Глава 8

Ровно в 7:00 утра Девид открыл глаза. Крепкий кофе обжег горло, страницы нового романа на прикроватном столике едва успели шелестнуть под пальцами — времени на утреннюю книгу не было. Сегодняшний день был расписан по минутам, но Девида волновало совсем другое.

Он пришел ближе к вечеру, когда, стиснув зубы, вез домой Эшли. Избалованная девчонка даже не соизволила процедить «спасибо». Впрочем, её пренебрежение оставило его абсолютно равнодушным. Оказавшись в тишине своей квартиры, он первым делом набрал Морису. Этот человек мог найти любую информацию о любом человеке. Именно за этим Девид к нему и обратился — ему нужен был компромат на Эшли Коффин.

Морис управился подозрительно быстро. Дочка известного бизнесмена Ричарда Коффина. Сестра-двойняшка Эмили. Мать то ли сбежала от богатой рутины, то ли тихо спивается на другом континенте — данные расходились. Учеба в элитной школе пошла прахом к одиннадцатому классу, поэтому любящий папочка, спасая честь фамилии, пристроил дочурку туда, где преподает сам Девид. В стенах их университета невозможно протирать штаны безнаказанно. Для такой принцессы — идеальное место, чтобы обломать когти.

Морис позвонил ровно в ту секунду, когда Девид рассматривал этикетку дорогого вина.

—Хей, дружище, я свою часть сделки выполнил, но ты же знаешь правила. Услуга за услугу.

Девид криво усмехнулся. Он знал. И примерно догадывался, о чем его может попросить этот гнусный человек.

Через минуту почта Девида пополнилась досье Вильяма Андерсена. Когда-то этот человек дышал в одном зале с сильными бизнесменами и водил дружбу с самим Коффином, но что-то пошло не так. Теперь Вильям числился всего лишь старым приятелем семьи, которого вежливо терпят на вечеринках. Для Девида это была идеальная мишень — достаточно значимая, чтобы отработать долг, но слишком уязвимая, чтобы создать проблемы.

Бросив взгляд на часы, Девид шагнул к гардеробной. Спустя несколько минут оттуда вышел безупречно одетый мужчина: черная рубашка, расстегнутая на две пуговицы, строгий жилет, пальто из мягкой шерсти. Тонкая кожа перчаток обхватила ладони.

Координаты упали в мессенджер. Небоскреб «Эверлайт». Стекло, хром и безжалостная роскошь. На крыше таких зданий боги спускаются с Олимпа, чтобы выпить коллекционный виски, а внутри заключаются сделки ценой в чужие жизни. Это место пахло большими деньгами и старыми связями.

—Простите, Вильям, но ваш сегодняшний ужин отменяется, — прошептал Девид, смотря в фотографию мужчины.

Городские огни смазались в золотые нити, пока его автомобиль летел по вечернему шоссе. Пятница. Чертова пятница. В груди неприятно кольнуло — он снова пропустил свой ритуальный визит к матери. Это было единственное правило, которое он нарушал с тяжелым сердцем, но сегодня график трещал по швам.

«Эверлайт» сиял, затмевая городские звезды холодным светом. Внутри царила показушная элегантность: мрамор, вышколенные охранники и толпа людей с золотыми картами доступа, выстроившаяся в змею.

«Как предсказуемо».

Девид лениво прошел мимо конца очереди, вклинившись сразу за импозантным мужчиной в твиде, который нервно похлопывал себя по карману брюк. Идеально.

Когда подошла очередь этого джентльмена, карта внезапно исчезла из его кармана и перекочевала в ладонь Девида — плавно, бесшумно, словно сама скользнула навстречу новому владельцу.

Охранник уже тянул руку, но Девид остановил его одним взглядом.

—Джентльмен со мной, — бросил он ледяным, не терпящим возражений тоном, кивнув на ошарашенного мужчину позади. — Я и так заставил всех ждать. Посторонитесь.

И очередь покорно расступилась перед ним.

—Делай свою работу, пока она у тебя ещё есть.

Охранник скользнул взглядом по золотому пластику, задержался на лице мужчины и отступил в сторону. Массивные двери бесшумно сомкнулись за спиной Девида, отрезая его от уличного шума.

Просторный зал утопал в приглушенном янтарном свете. Барная стойка из черного мрамора ломилась от запотевших бутылок. Гости сбились в стайки: возле высоких столиков шелестели тихими сделками люди в безупречных костюмах. В центре зала, уже слегка раскачиваясь в такт музыке, веселились те, кто пришел сюда прожигать жизнь. А третьи, пряча хищные улыбки, провожали взглядами чужие спины. В самом углу возвышалась нелепая гора подарочных коробок — чей-то день рождения явно обещал стать событием года для местных светских хроник.

Девид брезгливо поморщился. Ему не было дела до этих масок. Среди десятков лиц ему нужен был только один человек. Он замер посреди зала, сканируя пространство, но тусклое освещение надежно скрывало дальние углы, оставляя лица незнакомцами.

Рядом материализовался официант с подносом хрустальных бокалов. Девид качнул головой. За рулем он пил только воду, да и сейчас алкоголь затуманил бы цель. Развлечения отменяются — сегодня он здесь исключительно по делам. Официант растворился в толпе, а Девид занял последний свободный табурет у стойки. Отсюда открывался лучший обзор.

Он методично обводил взглядом каждую группу людей, вслушиваясь в обрывки фраз. Вильяма нигде не было. Тревожная мысль кольнула сознание: что, если этот трус так и не явился? Но додумать он не успел. Резкий, почти колючий аромат ударил в ноздри — сладкие, тяжелые духи, смешанные с парами дорогого шампанского. Девид медленно повернул голову.

В сантиметрах от него сидела Эшли. На секунду показалось, что зрение играет с ним злую шутку. Но когда она нетерпеливо постучала ногтем по дубовой столешнице, требуя бармена повторить заказ, последние сомнения исчезли.

«Невероятно. Где намечается катастрофа, там непременно возникает Коффин», — мысленно усмехнулся он.

Развернувшись к залу всем корпусом и оперевшись локтями о стойку, Девид продолжил поиск.

«Вильям — бывший партнер её отца. Конечно, избалованная принцесса тоже решила почтить нас своим присутствием».

Он тяжело вздохнул, положив подбородок на сжатый кулак, и скосил глаза на девушку. Эшли выглядела так, словно это собрание акционеров лично оскорбило все её чувства, и теперь она искала спасения на дне бокала. Наблюдать за этим «горем» было бы забавно, если бы всё не усложняло её присутствие.

Бармен подошел к Девиду, протирая полотенцем высокий стакан:

—Что-нибудь налить?

Девид едва заметно мотнул головой, стараясь стоять вполоборота. Лишнего внимания и узнавания голоса ему не нужно.

Вдруг рядом с Эшли тяжело плюхнулся мужчина. От него разило перегаром и дешевым парфюмом, хотя костюм сидел идеально.

—Налей мне, пожалуйста, как обычно. Не хочу этих ваших приторных реверансов, — пробормотал он заплетающимся языком.

Бармен поставил перед ним две рюмки с изумрудной жидкостью, щелкнул зажигалкой.

Мужчина выдохнул пламя и одну за другой осушил стопки.

—Здравствуйте, Вильям Андерсен, как поживаете? — голос Эшли прозвучал неожиданно близко.

Услышав эту фамилию, Девид инстинктивно подался вперед, выглядывая из-за плеча девушки. Телефон сам собой оказался в руке. Секундное сравнение с фото из файла Мориса. Совпадение идеальное. Удивительно удобная мишень. Похоже, Вильям сам вышел на запах крови.

Мужчина пьяно оперся на локоть, расплываясь в масляной улыбке:

—Мадемуазель. Давно не виделись. Составите мне компанию?

Эшли даже не удостоила его ответом. Она просто достала смартфон и уткнулась в экран, окончательно выпадая из реальности. Очередное сторис волновало её больше, чем живой собеседник. Впрочем, думать сейчас следовало не о психологических травмах мажоров. Задача номер один — выманить Андерсена подальше от лишних глаз.

Время уходило сквозь пальцы. Девид лихорадочно перебирал варианты. Идея пришла внезапно, оказавшись до смешного простой. Пьяному человеку многого не надо — лишь немного направляющей магии.

Бармен закончил полировать очередной бокал и двинулся вдоль стойки. Девид мягко перехватил его за рукав и попросил самый алкогольный коктейль.

Парень сглотнул, нервно кивнул и метнулся к стеллажам. Через минуту он уже услужливо склонялся над окликнувшим его гостем. Когда тот отвернулся, Девид быстрым, почти неуловимым движением уронил в оставленный барменом бокал маленькую таблетку. Скромно улыбнувшись официанту, он кивнул на пьяного гостя:

—Отдайте это вон тому мужчине. И забудьте упомянуть, от кого презент.

Парень благодарно кивнул и отнес напиток Вильяму. Тот осушил его одним глотком, прервав свой бессмысленный флирт с Эшли. Внезапно Андерсен побледнел как полотно, схватился за живот и, оттолкнув девушку, бросился за угол — к мужскому туалету.

Воспользовавшись моментом, Девид резко встал. Он намеренно развернул свободный барный стул спинкой вперед, создавая барьер между собой и ничего не подозревающей Эшли, и скользнул следом за целью.

Из-за двери доносились омерзительные звуки рвоты. Девид терпеливо ждал, прислонившись к холодной стене. Наконец кран зашумел водой. Вильям умыл лицо, поднял замученный взгляд на зеркало и вздрогнул. За его плечом стояла тень. Не успел он обернуться, как тяжелый кулак впечатался ему точно в висок. Тело обмякло и рухнуло на плитку, затылок глухо стукнулся о кафель. Кровь из раны начала стремительно растекаться темной лужей.

Девид поморщился. Улики нужно было уничтожить. Взгляд метнулся по стенам: ни тряпки, ни швабры. Туалетная бумага растворится прямо в руках. Он опустил глаза на бесчувственное тело и криво усмехнулся.

—Чья кровь, тот пусть и убирает... Верно?

Он расстегнул пуговицы на чужом пиджаке, закатал рукава своей рубашки и принялся методично затирать пол плотной шерстяной тканью. Пиджак оказался куда эффективнее любой ветоши. Через пару минут алые разводы исчезли без следа.

Тяжело дыша, Девид выпрямился. Теперь предстояло решить проблему самого тела. Варианты проносились в голове один мрачнее другого, но привлекать внимание взрывами или пожарами он не хотел. Нужна была тихая, элегантная простота. Пока он взвешивал риски, Вильям застонал. Приподнявшись на локте, он прижал ладонь к пульсирующей болью голове, встретился взглядом со своим «спасителем» и истошно завопил:

—Ты хотел меня тут прикончить?!

Взгляд Андерсена был мутным от алкоголя и ярости. Его пальцы скрючились, готовые впиться в лицо врага, а сам он попытался отползти назад, упираясь каблуками в мокрый кафель.

—Уже проснулся? — спокойно произнес Девид, делая шаг ближе. — Я рассчитывал, что ты поспишь подольше.

Собрав остатки сил, Вильям рванулся к выходу, но Девид жестко толкнул его обратно. Мужчина тяжело упал навзничь. Одним движением убийца прижал голову жертвы лицом к полу, пытаясь заглушить крик окровавленным пиджаком. Однако алкоголь придавал Уильяму поистине звериную прыть — он извивался ужом, царапал плитку ногтями и выл так мерзко, что сводило зубы.

—Заткнись! Да заткнись же ты! — прорычал Девид, чувствуя, как лопается терпение.

Устав от этой возни, он изменил тактику. Плотно обмотав ткань вокруг головы мужчины, чтобы приглушить звук, он начал методично бить его виском о холодный кафель. Раз. Другой. Третий. Пока хрипы не сменились влажным хрустом, а сопротивление окончательно не угасло.

Наступила звенящая тишина. Девид снял липкий пиджак, достал телефон и сделал несколько кадров для отчетности Морису.

—Какой вы фотогеничный, Вильям...

Файлы отправились адресату. Девид стер свои отпечатки с дверной ручки и уже собирался уходить, когда знакомый женский голос разрезал темноту коридора:

—Мистер Вильям?

«Она издевается?»

Дверь медленно поползла внутрь, пропуская тонкую полосу света из основного зала. Девид устало прикрыл глаза.

«Она постоянно сует свой нос куда не следует».

Щелкнул замок. Оберегать покой ванной комнаты снаружи смысла больше не было. Он обернулся через плечо, смерив фигуру в дверном проеме тяжелым взглядом. Девид плавно развернулся, одергивая манжеты, и двинулся навстречу девушке. Его голос звучал тихо, густо и гипнотически:

—Что-то случилось, мисс Коффин? Может, ты заблудилась? Бедная девочка… Позволь мне помочь тебе выйти?

Эшли невольно отступила на шаг. Каблук ее туфли зацепился за стык плитки. Ноги подкосились, взгляд расфокусировался, и она начала медленно оседать вниз.

Ругаясь сквозь зубы, Девид сорвался с места. Инстинкты сработали быстрее разума — он поймал ее в падении, буквально за секунду до того, как голова девушки ударилась бы о кафель. Легкая, как пушинка. Теплая.

—С тобой еще разбираться...

Нянчиться с избалованной наследницей в его планы категорически не входило. Но оставлять свидетеля посреди разгромленного туалета рядом с остывающим трупом было бы верхом глупости. Закинув обмякшее тело себе на плечо, словно мешок с картошкой, он накинул сверху свой жилет, скрывая её лицо и прическу.

—Что мне с вами делать? — глухо спросил он пустоту, выходя в пустой служебный коридор. — Один не мог заткнуться и получил по заслугам, вторая сует свой нос в мужские туалеты...

Девид перевел взгляд на Вильяма. В голове мелькнула дерзкая мысль — идеальное место для тела было совсем рядом, но оно граничило с безумием. Слишком рискованно, слишком много вопросов вызовет пропажа человека из закрытого помещения. Сначала нужно разобраться с девчонкой. Свалилась же на его голову…

Он достал ключи от машины. Пикап сигнализации тихо пиликнул внизу. Прежде чем покинуть уборную, Девид взял Эшли за подбородок, поворачивая её лицо к тусклой лампочке. Ни капли крови. Чистая кожа, идеальный макияж — выглядела она куда лучше своего несостоявшегося кавалера. Но что-то блеснуло в её темных локонах. Пригладив волосы девушки, он аккуратно вытащил оттуда дешевую металлическую невидимку и спрятал в карман жилета. Поправив съехавшую ткань, скрывающую её лицо, он подхватил бесчувственное тело и вышел в коридор.

Выглянув из-за угла, Девид оценил обстановку: зал гудел, как растревоженный улей, никто даже не смотрел в сторону служебных помещений. Он быстро захлопнул дверь туалета, нащупал в кармане ту самую невидимку. Пара ловких движений — и замок щелкнул, блокируя вход изнутри. Одной проблемой меньше.

Пробираться сквозь толпу с грузом оказалось сложнее, чем он думал. Люди пьяно покачивались, проливали напитки, смеялись над плоскими шутками. Девид уже видел

спасительную арку выхода, когда перед ним буквально выросла девушка с бокалом шампанского. Её платье помято, а волосы растрепались от танцев.

—Куда-то торопишься, красавчик? — промурлыкала она, обдавая его запахом приторного парфюма и алкоголя.

—Ваша проницательность поражает... Мне пора, — процедил Девид, пытаясь обогнуть препятствие.

Но опьяневшая незнакомка была иного мнения.

—Ну куда же ты? Мы могли бы выпить пару коктейлей! Потанцевать...

Девид скривился так, будто проглотил лимон. Эта назойливость начинала выводить из себя. Девушка положила руку ему на плечо, совершенно не смущаясь тем, что там уже висит другой «аксессуар».

—Ну пошли потанцуем, я настаиваю...

Измотанный до предела, злой на весь мир и конкретно на этот вечер, Девид резко развернулся. Одним молниеносным движением он перехватил запястье пьяной девицы. Раздался тихий хруст пластика — бокал упал на дорогой паркет, разлетаясь россыпью осколков.

—Либо ты исчезаешь прямо сейчас, либо я ломаю тебе лучевую кость, — прошипел он ей в лицо, крепко сжимая тонкие пальцы. — Выбор за тобой.

Отпустив ошеломленную девушку, Девид лишь холодно улыбнулся, глядя сверху вниз, как она поджимает дрожащие губы. Не оглядываясь, он направился к черному ходу.

Осторожно спустившись по пожарной лестнице, он открыл водительскую дверь. Усадил Эшли на пассажирское сиденье, тщательно пристегнул ремень безопасности и заблокировал замки снаружи. Если кукла очнется раньше времени — выбраться самостоятельно она не сможет. Оставив машину во внутреннем дворе, скрытом от глаз прохожих, он вернулся в здание. Время шло, а оставлять труп посреди небоскреба было непозволительной роскошью. Ему нужно было забрать Вильяма.

Глава 9

—Ну и где она?! — выкрикнул Ричард, нервно дергая мыском идеально начищенной туфли.

—Скоро будет, — бросила Клара, даже не обернувшись. Она стояла перед зеркалом, закалывая последнюю шпильку в сложной прическе, готовясь выйти к гостям.

—Мне кажется, она снова водит меня за нос! А я стою здесь как последний идиот и жду! Не выдержав, он сорвался с места, но сестра успела задержать его.

—Ричард, — голос Клары прозвучал непривычно мягко, без привычного снисходительного

«братик». Она развернулась на крутящемся кресле и поднялась во весь свой хрупкий рост. — Не беги за ней. Она взрослая девочка, мир её не сожрёт.

—Я волнуюсь, чтобы эта упрямица не натворила глупостей, которые ударят по нашей фамилии. Репутация строится годами...

Блондинка шагнула вплотную, сокращая расстояние, и опустила прохладную ладонь на его каменное плечо. Её прикосновение всегда действовало на него отрезвляюще.

—Ты слишком давишь своим авторитетом... — кончики её губ дрогнули в едва заметной улыбке. — Если Эмили молчит, боясь вздохнуть в твоем присутствии, то Эшли кричит тебе о своих границах. Пусть и делает это топором по стеклу. Ты прекрасный отец, они тебя обожают, но иногда вы оба забываете значение простого слова «семья».

Ричард набрал в грудь воздуха для гневной отповеди, но выдохнул, сдаваясь. В этом была вся Клара — умела обезоруживать одним касанием.

—Позвони ей. Я уверена, она пыталась выполнить твой ультиматум, но раз её нет здесь… значит, случилось неладное. Она нужна мне сейчас на сцене.

Мужчина с тяжелым вздохом достал смартфон. Короткие гудки впивались в тишину комнаты тупыми иглами.

—Недоступна.

—Значит, ответит позже.

Женщина ободряюще сжала его плечо, поправила бриллиантовую нить на шее и вышла в зал, мгновенно превращаясь из сестры в хозяйку вечера.

—Рада видеть вас, мои дорогие! — её голос, усиленный микрофоном, теплой волной накрыл шумный бальный зал.

Музыка стихла, растворяясь в мягком звоне хрусталя. Аран, стоящий неподалеку со своими друзьями, тепло улыбнулся матери. Эмили же, затерявшаяся в пестрой толпе гостей, смотрела на тетю из первого ряда, затаив дыхание. Она знала этот блеск в глазах Клары. Знала, что та задумала.

—Как вы знаете, сегодняшний бал посвящен не только моим именинам. Это день рождения новой главы моей компании. Еще ребенком я могла часами сидеть на полу мансарды с огрызком карандаша, рисуя позы людей, а после одевая их в безумные наряды. Оглянитесь! Все эти эскизы сегодня сошли с бумаги прямо на вас!

Клара изящным жестом указала на темноволосую нимфу в струящемся пепельно-розовом шелке. Прожектор поймал ткань в фокус, заставляя её светиться изнутри. Затем луч скользнул дальше, выхватывая из полумрака еще нескольких девушек, и наконец остановился на Эмили, чье платье тоже было создано фантазией тети.

—Поблагодарить за эту красоту стоит не только мою больную фантазию, но и моих волшебниц, чьи золотые руки сшили каждый лоскуток!

Вспыхнул общий свет, освещая стайку помощниц у стены. Девушки смущенно замахали руками под аплодисменты зала.

—Мой бренд взлетел. И ровно половину пакета акций я хочу передать своей любимой племяннице…

Клара медленно обвела взглядом притихшую толпу. На долю секунды их глаза с Эмили встретились. В груди девушки вспыхнула обжигающая надежда.

—Эшли Коффин!

Голос Клары стал сталью. Она всматривалась в расступающуюся публику, ожидая увидеть свою дерзкую любимицу. Пять секунд. Десять. Тридцать.

Тишина стала густой, почти осязаемой. Взгляд женщины потяжелел, меж бровей пролегла знакомая Ричарду складка, но она лишь прочистила горло, возвращая себе идеальный тон:

—Что ж… Эшли — единственная, кто читает мои мысли. Ее вклад сделает наши коллекции острее, смелее, уникальнее! Узнав о моем решении, моя племяшка наверняка уже запирается в мастерской, фонтанируя идеями. Этот огонь в ней восхищает меня. Похлопаем будущему лицу бренда!

Зал взорвался овациями. Кто-то вскинул бокал с шампанским, выпивая залом. Хлопали все.

Кроме одной тени в углу, чей взгляд метал молнии.

Дверь в гримерную с грохотом впечаталась в стену.

—Почему? — прошипела Эмили, глядя на отца дикими, блестящими от слез глазами. — Ты ведь знал!

Ричард замер с телефоном в руке. Он медленно перевел тяжелый взгляд на дочь.

—О чем ты, милая?

—Она… Вы всё знали! Поэтому отправили её куда подальше накануне презентации! Чтобы забрать акции себе!

Мужчина странно, почти болезненно поморщился, словно дочь ударила его под дых, и сделал шаг вперед, протягивая руку, но Эмили отшатнулась.

—Почему именно она?! — голос девушки сорвался на звенящий, почти истеричный шепот.

—Эти акции должны были достаться мне! Я новый выдающийся дизайнер, мои идеи заслуживают подиума, а не пыльной полки в архиве…

Она так яростно комкала шелк платья, что даже не заметила выросшую за спиной тень.

—Успокойся, Малинка.

Эмили резко обернулась. В полумраке комнаты глаза Клары казались двумя осколками черного льда. Щеки племянницы блестели от непролитых слез.

—Как ты могла… — выдохнула девушка, бессильно опуская руки.

—Эмили, выйди, пожалуйста, — ровным голосом попросила женщина, и это ледяное спокойствие ранило куда сильнее любого крика.

Девушка замерла, глядя в непроницаемое лицо тети. Ее кулаки сжались, ногти с болью впились в собственные ладони. Не выдержав этого тяжелого, давящего взгляда, она опустила голову. Тихий всхлип утонул в ворсе ковра. Дверь закрылась за ней с глухим стуком.

Клара дождалась тишины и лишь тогда позволила себе расслабиться, оборачиваясь к брату:

—Дозвонился?

Ричард стоял у камина, грея пальцы о стакан с янтарным виски. Он приподнял бровь, и в его серых глазах мелькнул холодный укор.

—Ты же обещала: двадцать пять процентов Эмили, двадцать пять — Эшли.

—Обещала. До того, как узнала, что ты услал нашу девочку бог знает куда, — губы Клары изогнулись в горькой усмешке. — Теперь я думаю, ей нужнее. И потом… — она подошла ближе, окутывая воздух ароматом ванили. — Разве Эмили сидит не под твоим крылом? Зачем девочке капитал, когда рядом безлимитная папина кредитка? Пусть учится работать талантом, а не купюрами.

Ричард чуть нахмурился, отставляя бокал. Ему совсем не нравилось, как сестра распоряжается их общим решением. Но начинать этот бой здесь и сейчас было бессмысленно.

—Она не отвечает. — Ровно бросил он, переводя тему.

В комнате повисла тяжелая пауза, нарушаемая лишь тихим потрескиванием дров.

—Это очень странно… — Взгляд Клары дрогнул и метнулся к панорамному окну, за которым сгущалась бархатная зимняя темнота. Внутри вдруг шевельнулось липкое, холодное предчувствие беды. — Я всем нутром чувствую, случилось что-то ужасное.

Свет ударил по глазам острой бритвой. Я зажмурилась до цветных пятен под веками, а когда снова приоткрыла их, мир вокруг казался размытым пятном. Постепенно зрачки привыкли к мертвенно-желтому уличному фонарю за лобовым стеклом.

Автомобиль?

Я дернулась, пытаясь сесть ровнее, но жесткая лента ремня безопасности впечаталась в ключицу, перехватывая дыхание. Желудок скрутило тугим узлом — тошнота подкатила к горлу едкой волной. В нос ударил сладковатый, тошнотворный запах меди, который не выветрится из памяти никогда. Голова гудела тяжелым колоколом, словно после трех бессонных ночей и дешевого вина. Что произошло?

Память возвращалась урывками, вспышками стробоскопа. Тетя… Отец… Вильям… Кровь. Так много крови. И мистер Графский. По позвоночнику ледяной змеей скользнул ужас, стоило лишь вспомнить фигуру мужчины. Он был весь залит ею. Чужой кровью. Этот металлический запах впился в слизистые, въелся под кожу намертво.

Тяжело, со свистом втягивая воздух сквозь сжатые зубы, я заставила себя осмотреться. Черный кожаный салон. Через окно виднелся небоскрёб, в котором я совсем недавно видела... труп.

Паника обожгла легкие. Я рванула ручку двери — заперто. Нажала кнопку стеклоподъемника — ноль реакции. Пальцы шарили по стойке кузова в поисках пряжки ремня, но натыкались только на плотную ткань платья. Либо меня трясло так сильно, что тело перестало слушаться, либо чертов замок здесь действительно спрятан слишком глубоко.

В кармане судорожно звякнуло. Я вздрогнула всем телом, едва не прикусив язык, но узнав знакомую мелодию звонка, чуть расслабилась. Дрожащими пальцами я попыталась дотянуться до кармана через живот, но ремень держал руки в капкане, позволяя шевелить разве что кончиками пальцев.

Из горла вырвался хриплый крик отчаяния, но я подавилась им, ослепнув от ужаса. К машине кто-то шел.

Щелкнул брелок сигнализации. Знакомый силуэт обошел автомобиль. С глухим, влажным стуком откинулась крышка багажника. Звук чего-то большого и тяжелого, падающего внутрь. Мое сердце заколотилось где-то в горле, ребра ныли так, будто я пробежала марафон без подготовки.

Багажник хлопнул, качнув машину. Хищник обогнул капот, небрежно бросил свое пальто на заднее сиденье и упал на водительское кресло. Щелчок зажигания. Низкий, утробный рык двигателя. Машина плавно тронулась с места, выезжая на трассу. Он даже не взглянул на меня, полностью поглощенный дорогой, лишь покосился на часы на приборной панели и сильнее утопил педаль газа в пол.

Я смотрела на его профиль так, как кролик смотрит на удава перед броском. Хотя нет. Я была уже мертвым мясом в его холодильнике. Почему он не убил меня сразу? Где тело Вильяма? Куда мы несемся по этой ночной пустоши?

Вопросы разрывали череп изнутри, но губы словно зашили суровой нитью. Я боялась дышать. Боялась моргнуть. Отведу взгляд хоть на секунду — и он почувствует слабину. Разорвет.

Он тоже молчал. В салоне висела такая густая тишина, какая бывает в часовне перед отпеванием. Но это длилось не минуту. Казалось, прошла целая вечность. Будто меня просто не существует. Пустое место на пассажирском кресле.

Но долго играть в статую у него не получалось. В желтом свете приборной панели я видела, как тяжело перекатываются желваки на его скулах. Костяшки пальцев, сжимающих руль, побелели. Он смотрел строго перед собой, прямо на разделительную полосу, но взгляд был расфокусированным — мужчина явно решал какую-то сложную, мучительную задачу внутри собственной головы.

Мы вылетели на абсолютно пустой загородный тракт. Он вдавил газ до упора, стрелка спидометра поползла вправо, а потом резко, до визга шин, ударил по тормозам у пешеходного перехода. Если бы не треклятый ремень, моя голова точно познакомилась бы с бардачком. Он решил меня угробить?!

Красный сигнал светофора окрасил салон в больнично-кровавые тона, делая лицо мужчины похожим на маску демона. Фары били вдаль, освещая лишь серый асфальт.

Наконец, он повернулся. Медленно, тягуче, словно растягивая пытку. Я инстинктивно, до боли в легких, втянула воздух. Его глаза цвета штормового океана были абсолютно холодными. Они сканировали меня, препарировали, заглядывали под самые кости. Не осознавая, что делаю, я вцепилась ногтями в жесткий ремень на груди, ища опору.

—Ну что… — его голос прозвучал низко и опасно, посылая новую волну мурашек по коже.

—Помнишь хоть что-нибудь, Коффин?

Напряжение, которое принес с собой Девид, стало почти физически ощутимым. Оно давило на барабанные перепонки.

Я молчала, глядя на свои дрожащие, бесполезные руки. Заметив мой затравленный взгляд, брошенный на заблокированный телефон, уголок его губ дрогнул в кривой, совершенно недоброй усмешке. Он отвернулся обратно к дороге.

—Я рад, что ты наконец научилась держать рот на замке. Жаль, на моих парах этот талант тебе отказывал напрочь.

Красный свет светофора сменился на предупреждающий оранжевый, затем вспыхнул ядовито-зеленым. Девид утопил педаль газа в пол. Мы рванули с места так резко, что меня вжало в сиденье. Скорость была бешеной, почти такой же, как я любила на своем байке, но

сейчас этот полет сквозь ночь вызывал лишь тошнотворный ужас. Я находилась не на железном коне, а в клетке маньяка-убийцы.

Спустя вечность мы свернули во двор. Старые пятиэтажки смыкались кольцом, отрезая путь к небу. В редких окнах еще теплился желтый свет, остальные зияли слепой темнотой. Машина замерла у занесенной снегом пустой детской площадки. Качели жалобно скрипнули под порывом ветра. Девид повернулся. Его взгляд был тяжелым, изучающим, сканирующим рентгеном. Я смотрела в ответ, не моргая, пытаясь прочитать по этим ледяным глазам свой приговор.

Развернувшись всем корпусом, он стянул кожаные перчатки. Глухой шлепок кожи о пластик приборной панели прозвучал как выстрел. Щелчок замка водительской двери. Шаги вокруг капота. Сглотнув колючий ком, я следила за ним в зеркало заднего вида. Вот тень накрыла мое окно. Ручка медленно поползла вниз.

Он склонился внутрь, заполняя собой всё пространство салона своим запахом — морозом, табаком и чужой кровью. Аккуратно, почти бережно отстегнул тугую скобу ремня безопасности. От этого показного спокойствия становилось только страшнее. Каждое плавное движение кричало об опасности. Мозг лихорадочно искал выход, просчитывая траекторию прыжка, пока тело каменело от ужаса.

А потом он протянул мне раскрытую ладонь. Так просто. Так обыденно, словно приглашал на танец. Неужели он всерьез думает, что я вложу свои пальцы в эту ловушку?

—Я объясню всё в процессе, а сейчас выходи из машины и иди за мной, Коффин.

Внутри живота что-то оборвалось, кувыркнулось и рухнуло куда-то в ледяную пропасть.

Идти за ним? Да ни за что.

—Ты… ты правда думаешь, что мне нужны твои объяснения?! — голос сорвался на визгливый шепот, предательски дрожа. Боже, возьми себя в руки! Не смей показывать ему слабость! Но это было выше моих сил. — Ты убил человека! Этому нет оправданий!

Мужчина прикрыл глаза, тяжело вздохнув. На его лице отразилась такая вселенская усталость, будто я произнесла такую глупость, на которую даже отвечать нет смысла.

Этой заминки хватило. Инстинкт самосохранения ударил адреналином прямо в сердце. Резким, животным движением я перекинула ноги на водительское кресло, плечом толкнула дверь. Замок щелкнул.

Я вывалилась в январскую ночь. Мороз тут же впился в голые щеки, но я не чувствовала холода — кровь ревела в ушах пожаром. Бежать. Не разбирая дороги. Каблуки элегантных туфель вязли в глубоком снегу, каждый шаг отдавался болью в лодыжках, но желание жить оказалось сильнее гравитации. Хруст снега под ногами сливался с моим рваным дыханием. Темнота стояла такая плотная, хоть глаз выколи. Белые хлопья оседали на пылающем лице и тут же превращались в жалкие слезливые капли.

Я сама не поняла, как вылетела из дворового лабиринта. Прямо под ослепительный свет фар.

Оживленная трасса оглушила воем моторов. Мир сузился до полосы слепящего света. Машины проносились мимо смазанными пятнами. Голова пошла кругом, асфальт качнулся под ногами. Перед глазами поплыли темные пятна. Ноги подкосились. Еще секунда — и я упаду прямо под колеса.

С трудом удержав равновесие, я обернулась на звук стремительно нарастающего гула. Прямо на меня несся массивный внедорожник. Водитель отчаянно сигналил, но расстояние сокращалось слишком быстро. Фары били прямо в лицо, лишая зрения. Я замерла, лишенная всех движений.

Глава 10

Слепящий удар фар по глазам и оглушающий, вибрирующий в костях сигнал машины. Время взорвалось на тысячи стеклянных осколков и застыло. Я окаменела, превратившись в соляной столб — ни вдохнуть, ни выдохнуть, мышцы отказались слушать отчаянные приказы мозга.

Мир сузился до этого слепящего света, а потом чья-то стальная хватка клещами сжала мою талию. Резкий рывок, от которого потемнело в глазах, хруст снега под ботинками и моя спина с силой впечаталась в промёрзшую землю обочины. В сантиметрах от моего лица, обдавая лицо гарью и ледяным ветром, с низким утробным ревом пронеслась смерть.

С неба беззвучно падал снег. Крупные, тяжёлые хлопья оседали на горящих щеках, таяли холодными слезами. Меня била такая дрожь, что казалось, позвонки сейчас рассыплются, рук и ног я не чувствовала вовсе — они превратились в чужой, мёртвый груз. Но вместо леденящего ужаса по венам разливался густой, обжигающий жар чужого присутствия.

Я подняла голову и уперлась взглядом прямо в его грудь. Пришлось задрать подбородок ещё выше. Он возвышался надо мной тёмной, подавляющей скалой, заполняя собой всё пространство. Мы стояли так близко, что наши дыхания смешивались в морозном воздухе.

Его взгляд был способен заморозить адское пламя. Убийственный, испепеляющий.

—Какого чёрта тебе не сидится?! — его голос был низким. Каждое слово вбивалось мне под кожу. — Стоит дать тебе шанс, как ты тянешь руку навстречу могильной плите!

Он резко отстранился, словно моё тепло обжигало даже сквозь слои зимней одежды. Одним небрежным движением руки попытался вернуть на место свою растрёпанную чёлку, приводя себя в порядок после этой безумной пробежки.

—Да лучше умереть так, чем сдохнуть от твоих рук! — выплюнула я, задыхаясь от адреналина и унижения.

Опустив глаза на свои грязные ладони, я пыталась унять рваный хрип в лёгких. А внутри медленно, вязко, как смола, растекалась абсолютная пустота. Бежать больше некуда. Он найдёт везде. Либо быстрая пуля от него, либо гниющая яма, куда меня затолкает её величество Смерть. Перед внутренним взором вспыхнуло неживое лицо Вильяма. Горлу снова стало тесно.

—Ты… убьёшь меня так же... как его? — собственный голос казался чужим, тонким писком, который тут же слизал шум пролетевшего мимо грузовика.

Мужчина поднялся во весь свой рост. Мои плечи, лишённые опоры его тела, мгновенно заледенели, колени предательски подогнулись, и я снова осела бесформенной кучей обратно в сугроб. Он брезгливо отряхнул брюки, поправил ворот рубашки и сложил руки на широкой груди. Ни капли жалости. Только глухое раздражение. Я для него — неудобный груз.

—Хочешь умереть от бездушной железяки? — он шагнул ближе, нависая надо мной всей своей массой. — Давай, Коффин. Выбеги еще четыре раза. Может, хотя бы на пятый до твоей пустой головы дойдёт, что жизнь нужно ценить. Она одна. И далеко не каждый псих вроде меня бросится тебя вытаскивать. Моему терпению тоже есть предел.

Он провёл ладонью по лицу, стирая снежинки, и посмотрел на меня сверху вниз.

—Слушай очень внимательно, потому что повторять я не стану. — Пауза повисла густым сигаретным дымом. — Я не могу просто вышвырнуть тебя на улицу. Твои глаза видели слишком много лишнего. Твоё обвинение сожрёт мою репутацию, а мне не нужны проблемы копов и лишние вопросы федералов... Всё, что от тебя требуется — это захлопнуть свой прелестный ротик. Взамен ты получаешь право дышать дальше. Договорились?

Его слова тонули в городском гуле, растворялись в визге тормозов. Мысли путались, цепляясь друг за друга, отказываясь выстраиваться в логическую цепь. Адреналин всё ещё выжигал остатки рассудка.

—Но, если я хоть что-то узнаю или пойму, хоть одну крошку информации сольешь прессе... — его голос упал до змеиного шипения. — Умрёшь. Долго и некрасиво. Подумай головой, Коффин. Готова ли ты поставить на кон собственную шкуру ради какого-то опустившегося бродяги?

Я молчала, кусая замёрзшие губы, пытаясь прочитать правду в глубине его зрачков. Шутит? Пугает? Или этот холодный расчётливый зверь действительно готов оставить меня в живых?

Но воспоминания о Вильяме были красноречивее любых угроз. Этот «алкаш» давно продал душу. Ему было плевать на меня, на мою семью, на всё, кроме очередной дозы и отцовских денег. Скорее всего, их дружба была лишь выгодной сделкой двух циников.

—Хорошо.

Я медленно подняла взгляд на Девида и наткнулась на его раскрытую ладонь. Он ждал, терпеливо и пугающе спокойно, словно предлагал руку помощи жертве кораблекрушения, а не заключал сделку с заложницей.

Моя жизнь была мне дороже любого золота. Важнее всего на этой проклятой планете! Я отчаянно хотела жить. Хотела увидеть ещё сотни рассветов. Доделать то, что вечно откладывала на потом.

Но прежде чем мои ледяные пальцы коснулись его кожи, один вопрос прожёг горло:

—Если я видела слишком много… Ты будешь держать меня под колпаком до конца моих дней? Следить за каждым шагом? Если так, я не согласна.

Вместо ответа он лишь страдальчески закатил глаза к небу, всем своим видом показывая, какую непроходимую глупость ему приходится терпеть. А в следующее мгновение рывок едва не выдернул моё плечо из сустава. Одним резким движением он вздёрнул меня с промёрзшей земли. Ноги предательски подкосились, отказываясь держать вес тела, но стальные пальцы тут же сомкнулись на моём запястье.

—Ты невыносимо наивна, Коффин, — процедил он сквозь зубы. — У тебя золотая фамилия и связи отца, уходящие в Белый дом... — Внезапно он шагнул вперёд, сокращая дистанцию. Наклонился ко мне, вторгаясь в личное пространство. Между нашими носами остались жалкие сантиметры морозного воздуха. Внутри живота туго скрутился огненный узел. Его дыхание опалило мою верхнюю губу. — Ты и так ходишь по лезвию. Каждый второй папарацци знает твой график... И мне плевать на твои секреты, пока они молчат. Я просто хочу спрятать наш

договор в самый тёмный угол. Подальше от любопытных глаз, чтобы тень моего имени даже близко не падала на заголовки газет.

Стряхнув с ладони налипший снег, он мельком бросил взгляд на светящийся циферблат наручных часов.

—Нам пора. Точнее, мы уже опаздываем на три минуты.

Куда? Мы с ним? Мой разум бился в истерике, отказываясь подчиняться ледяной логике. Кто в здравом уме добровольно пойдёт за убийцей туда, не зная куда? Но был ли у меня выбор, кроме как стать холодным телом в полицейской сводке?

Обречённо выдохнув облачко пара, я всё-таки шагнула следом за его тёмной спиной.

Шаг за шагом — моё сердце грохотало где-то в горле, отбивая панический ритм. Я не знала, куда иду и что ждёт меня. Как глупо… слепо верить человеку, который хладнокровн переступил закон буквально на моих глазах!

Но вопреки всему животному ужасу, глубоко внутри я чувствовала: убивать меня он не станет. Может, это была отчаянная вера в то, что отец перевернёт весь город ради дочери. А может, просто детская, до смешного нелепая надежда захватила мой разум в заложники.

Наконец мы остановились перед дверью самого верхнего этажа этой пятиэтажки. Я никогда не находилась в таких маленьких домиках, здесь же каждый скрип половицы казался оглушительным.

Девид достал связку ключей, дважды провернул замок и, прежде чем толкнуть дверь, обернулся.

—Тебе лучше молчать. Говорить буду я. Если понадобится — можешь кивнуть.

Он даже не стал ждать моего ответа. Ему было плевать, поняла я или нет, ведь проблемы в случае ошибки всё равно будут у меня…

Мужчина вошёл в квартиру первым. Пока он разувался, я стояла в прихожей, боясь лишний раз вдохнуть. Из глубины коридора к нам медленно, шаркая тапочками, подошла невысокая

старенькая женщина. Она куталась в длинный сиреневый халат, а волосы — вернее, то невесомое серебро, что от них осталось — были стянуты в небрежный хвостик на затылке. Под глазами залегли глубокие тени болезни.

—Всё-таки пришёл, Дейви!

Она подлетела к нему. Девиду пришлось согнуться чуть ли не пополам, чтобы принять её объятия.

—Какой же ты холодный! Неужели выскочил без верхней одежды? — Женщина цепко схватила его за обе щеки, заставляя посмотреть ей в глаза. — Хочешь, чтобы твоя мать умерла, так и не дождавшись внуков, пока ты тут зарабатываешь пневмонию?

Бережно, но твёрдо отведя её руки от своего лица, он улыбнулся. По-настоящему, тепло, растапливая лёд в уголках глаз. И голос его зазвучал совсем иначе — бархатно и ласково:

—Всё хорошо, мам. Спасибо за заботу, но я просто долго сидел в машине и снял пальто. Пришлось идти пешком через сугробы.

Его переворот повергал в шок. За той самой дверью, что осталась за нашими спинами, этот человек смотрел на меня взглядом палача и обещал мне смерть. А сейчас он мило препирался со старенькой женщиной, излучая сыновнюю нежность, будто последних десяти минут просто не существовало.

Вдруг мать снова притянула его к себе и принялась суетливо обтряхивать ворот его рубашки, пытаясь смести остатки снега.

—Мам, прекрати. Давай лучше попьём чаю? Я сделаю твой любимый, с бергамотом.

Но она не ответила. Её бегающий взгляд наконец наткнулся на меня, застывшую в углу прихожей, и замер.

—Дейви… — протянула она, прикрыв рот ладонью. На её бледных щеках вспыхнул слабый румянец, а губы тронула понимающая, заговорщическая улыбка. Меня бросило в жар от смущения. — Ты всё-таки нашёл… То есть, вы нашли друг друга!

Я не успела даже приоткрыть рта, чтобы опровергнуть этот бред, как Девид мгновенно вклинился:

—Нет! Это не моя девушка, мам. Это моя… знакомая. Я её подвозил.

Но женщину было уже не остановить. Похоже, она слишком долго ждала, когда сын приведёт невестку под родную крышу. Неудивительно, — пронеслось у меня в голове, — кто в здравом уме захочет встречаться с кровожадной убийцей? И тут же новая, колючая мысль обожгла сознание: «А она вообще знает, кто её сын?»

—Разувайтесь скорее, горе моё, проходите! Я вас угощу!

Я неуверенно покосилась на Девида. Он недовольно свёл брови к переносице и едва заметно кивнул. Стараясь не шуметь, я аккуратно сняла каблуки, поставила их на обувницу и прошла за ним на кухню. Такой крошечной кухоньки я ещё не видела... Она была меньше моей гардеробной в отцовском доме. Как люди вообще могут здесь готовить? Хотя, судя по

густому аромату свежей выпечки, окутавшему нас теплом, мама Девида могла творить кулинарные чудеса и на разделочной доске.

Она уже доставала из духовки пышный, золотистый пирог. К тому времени Девид успел поставить на стол три дымящиеся кружки. Вдруг об мои ноги мягко потерлось что-то пушистое. Я опустила глаза и встретилась с сонным взглядом огромного рыжего кота. Он басовито мурлыкнул, выгнул спину дугой и царственно запрыгнул на диванчик, занимая собой сразу половину сиденья.

—Ох, это Маркиз, — с материнской нежностью представила его хозяйка кухни. — Он у нас ласковый и до безобразия ленивый!

Мать прошла мимо сына к столу, намеренно повышая голос так, чтобы он слышал каждое слово:

—Смотри, Дейви, а то твою «подружку» Маркиз прямо сейчас украдёт! Оставит меня без внуков.

—Не переживай, мам. У Маркиза слишком короткая жизнь, чтобы тратить её на пустые авантюры, — протянул Девид без капли энтузиазма. Я лишь позволила себе слабо нахмуриться, пока он стоял ко мне вполоборота.

Наконец женщина уселась за стол рядом со мной, обдавая запахом корицы и старого дерева.

—Вот именно, сынок. Жизнь коротка, поэтому он не тратит её просто так и уже берётся за дело.

Кот, будто подтверждая слова хозяйки, тяжело запрыгнул на диван, потоптался лапами по моим коленям и улегся пушистой грелкой. Мне сразу вспомнился мой первый и последний питомец — такой же рыжий...

Девид разрезал пирог, поставил перед каждым тарелку с дымящимся куском и сел напротив.

—Как твои дела, мам? — спросил он, пододвигая ей чай.

Но женщина проигнорировала вопрос сына. Она была полностью сконцентрирована на моей персоне, изучая меня взглядом ювелира, будто я самый редкий камень.

—И как зовут тебя, моя хорошая? Как давно вы знакомы? Можешь не торопиться, я женщина старая, времени у меня полно.

Я слышала, как нервно звякнула ложка о фарфор — Девид грубо мешал чай, иногда глухо ударяя коленом о ножку стола.

На кухне повисла такая густая тишина, что тиканье настенных часов отдавалось в ушах набатом. Девид говорил мне молчать, но я видела, сколько отчаянной надежды плескалось в глазах его матери. Я уже собиралась открыть рот, подбирая самые безопасные слова, но мужчина перебил меня ледяным голосом:

—Мам, Эшли очень устала. У неё был тяжёлый день... Поэтому давай я сам тебе всё расскажу.

Мать недовольно качнула головой, но вдруг мягко взяла мою руку в свои сухие, прохладные ладони.

—Девид, принеси мои очки из спальни, пожалуйста. Они лежат на тумбочке.

Мужчина замер на секунду, явно борясь с желанием возразить, но затем нехотя поднялся и без лишних слов скрылся в коридоре.

Как только дверь за ним закрылась, лицо женщины мгновенно преобразилось. Исчезло напряжение, разгладились морщинки у глаз. Она ласково улыбнулась:

—Не обращай внимания, солнышко. Он хороший мальчик, просто иногда бывает невыносимо серьёзным. Рассказывай, как есть, дорогая Эшли.

Смотря на эту светлую женщину, мне хотелось искренне, по-детски улыбаться ей. Несмотря на животный страх перед Девидом и категорическое нежелание идти сюда, я физически не могла бояться эту милую старушку.

—Девид прав… Мы просто знакомые. Случайные попутчики. У меня сломалась машина посреди трассы, и, как истинный джентльмен, он решил подвезти меня до города.

По всей видимости, она действительно понятия не имела, чем зарабатывает на жизнь её сын, раз так слепо им гордится... Хотя вблизи, когда он смотрит на неё, в нём и правда нет ничего от хладнокровной убийцы. Это было так странно и неуместно. Какие же разные грани бывают у людей...

Больше я ничего сказать не успела. Вернулся Девид. Когда он подошёл к матери, чтобы отдать тонкую оправу, я невольно скользнула по нему взглядом. В линии подбородка, в резком изгибе бровей промелькнуло пугающее сходство... Но рассмотреть толком не вышло — Девид сел обратно, отрезав меня от света люстры, и я сделала вид, что увлечённо глажу кота за ухом.

Когда женщина надела очки, она снова посмотрела на меня, а затем перевела взгляд на сына.

—Вот теперь я вижу вас ещё лучше... Мои любимые.

Её взгляд опустился на тарелки. Перед нами лежали идеальные, целые куски ягодного пирога.

—Вы совсем не голодные?.. У меня остался вчерашний суп и салатики, если сладкое не лезет.

Девид поднялся с места, уже готовый убирать за собой стол.

—Спасибо, мам. Мы, к сожалению, перекусили буквально час назад, но если проголодаемся, ты обязательно жди нас!

Пожилая женщина даже не шелохнулась. Сидя на своём месте, она вдруг цепко схватила сына за край рубашки, притягивая его обратно к стулу.

—Я не отпущу тебя, пока ты, Дейви, всё не съешь! Сел на место и не заставляй мать повышать голос!

После этих слов Девид покорно опустился на стул. Это не могло не вызвать у меня улыбку, изо рта вырвался тихий смешок, который Девид тут же поймал своим фирменным грозным взглядом исподлобья.

Пришлось пробовать самодельный ягодный пирог, но я нисколько этому не расстроилась. Он оказался безумно вкусным! Тесто таяло во рту, а начинка взрывалась кисло-сладким соком. Давно я не ела ничего подобного, ещё и приготовленного с любовью. Вся эта тесная квартирка перестала казаться ловушкой. Липкий ужас отступил, сменившись странным, почти уютным спокойствием.

Когда мы закончили, Девид забрал у меня пустую тарелку и принялся методично мыть всю посуду, которая накопилась в раковине. Ему для полного образа идеальной домохозяйки не хватало только миленького розового фартучка!

—Вкусно? — тихо спросила женщина, заглядывая мне в глаза поверх очков. Я счастливо кивнула и мило улыбнулась ей в ответ.

—Давай я тебе ещё положу! Семью угостишь дома!

И не дожидаясь моего согласия, она достала пластиковый контейнер, начиная накладывать туда щедрые, огромные куски пирога.

Домыв последнюю чашку, Девид тщательно вытер руки, расставил всё по своим местам на сушилке и обернулся. Его взгляд упал на контейнер в руках матери.

—Не боишься, что она твой драгоценный контейнер не вернёт? — с привычной ядовитой насмешкой спросил он, скрестив руки на груди.

Мать даже не повернула головы. Она смотрела только на меня, и её глаза светились каким-то потаённым, упрямым теплом.

—Вернёт, — певучим тоном ответила старушка.

Она шагнула ко мне через тесную кухню и вложила тёплый пластиковый прямоугольник прямо мне в ладони.

—Это будет прекрасный повод вам снова приехать сюда вдвоём. И желательно поскорее. Я как раз собираюсь печь шарлотку.

От её слов воздух в кухне словно загустел. Краем глаза я заметила, как каменеет спина Девида. Он медленно втянул носом воздух, и его плечи напряглись так, будто он готовился принять удар.

Я крепче сжала пальцами контейнер. Сердце пропустило удар и ухнуло куда-то в ледяную пропасть. Приехать вдвоём?

Как приглашение на эшафот, завернутое в кружевную салфетку.

Глава 11

Дверь отрезала меня от маленькой, уютной квартиры, возвращая в суровую реальность. Все звуки исчезли, оставив только липкий осадок сегодняшнего дня.

—Надеюсь, ты не думаешь, что я буду милосердным и оставлю тебя в покое после «Эверлайт».

Я закатила глаза до самого затылка. Надо отдать ему должное: этот мужчина — абсолютный чемпион по убиванию атмосферы одним предложением.

—Я вообще не рассчитывала на твою милость, — негромко бросила я в его напряженную спину. Голос едва дрогнул, но он всё равно услышал. — У тебя такая милая мама... А ты отнимаешь чьих-то таких же детей.

Он даже не обернулся. Я смотрела в эту широкую, непробиваемую спину и чувствовала, как внутри закипает глухое раздражение.

—Мир делится на тех, кого нужно убрать, пока они не добрались до таких, как твой отец или мэр. И на тех, кто это делает. Есть люди, от которых нельзя защититься. От них можно только избавиться первым.

Слова повисли в воздухе тяжелым туманом. Я обогнала его, больше не желая продолжать этот бессмысленный спор. Выйдя из подъезда, я сама села вперед и тут же зажала нос пальцами.

В салоне стоял густой, тошнотворный запах застарелой крови и сырой земли. Смерти. Желчь подступила к горлу, мир опасно качнулся. Я рванула ручку, вываливаясь обратно в морозную ночь, и судорожно глотнула ледяной воздух.

Через минуту рядом бесшумно возник Девид.

—Прости, Коффин. Не везде пахнет так, как тебе нравится. — В его голосе прорезалась ядовитая издевка.

—О, нет, — фыркнула я, впиваясь в него взглядом. — Я нисколько не виню тебя в том, что ты не можешь позволить себе вонючку с ароматом лаванды! Или хотя бы не оставлять гниющий труп в багажнике!

Мой взгляд скользнул по его шее — туда, где часто бьется пульс, — и снова метнулся к глазам.

Вместо ответа он перехватил мою ладонь, силой разжал сведенные судорогой пальцы и вложил таблетки прямо внутрь.

—Держи. Обычное успокоительное. Никакой химии, которая навредит твоей светлой голове. Ехать долго, а мне не хочется отмывать салон от твоего ужина. К тому же, если повезет, ты сможешь поспать. – Он улыбнулся — той самой своей кривой ухмылкой — и ткнул пальцем мне в лоб. — И насчет духов. Они у меня есть. Я просто не хочу, чтобы аромат моего одеколона навсегда связался в твоей памяти с выносом тел.

Я с размаху выкинула таблетки, те улетели в грязный придорожный сугроб. Ему не понравился мой жест — уголок рта дернулся вниз, — но мне было плевать.

—Я не собираюсь спать, пока мы едем в лес закапывать труп. Спасибо, обойдусь.

Переборов подкатившую дурноту, я сделала глубокий вдох и вернулась в кресло. Схватила бутылку воды, сделала пару жадных глотков и опустила стекло, впуская колючий холод.

Девид занял водительское место. Мотор тихо заурчал, машина плавно тронулась.

—Ты можешь храбриться сколько угодно, Коффин, но тебя не хватит надолго. Твой организм не создан для такого уровня стресса. Сейчас ты еще стоишь на ногах только благодаря моей поддержке. — Он выдержал паузу, глядя строго на дорогу. Стекло с моей стороны с тихим жужжанием поползло вверх. — Но, когда мне надоест, ты сломаешься.

Я отчаянно забарабанила по кнопке стеклоподъемника. Зря. Этот ублюдок заблокировал панель управления. Резко повернувшись, я поймала его самодовольную ухмылку.

—Меня дико забавляет тот факт, что ты пытаешься выглядеть старше и опаснее, чем есть на самом деле...

Я снова прикрыла рот рукой, дышать становилось физически больно.

—Сейчас у меня есть то, ради чего ты притащил меня сюда, — произнесла я сквозь ладонь, стараясь звучать ровно. — И, если ты выкинешь еще один фокус, я обещаю: об этом узнает каждый. Включая прессу. Поверь, отец сделает все, чтобы с моей головы даже волос не упал!

Я пыталась смотреть твердо. Пыталась выглядеть наследницей, а не напуганной девчонкой, которую сейчас стошнит прямо на кожаный коврик. Но Девид вдруг рассмеялся. Тихо, низко, вибрирующе. От этого звука вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок обиды. Я заставила себя вздернуть подбородок выше.

—Ты очень забавная, Коффин... — отсмеявшись, выдохнул он. — Будь осторожна.

В других обстоятельствах такие игры могут стоить тебе гораздо дороже, чем испорченное настроение.

Не отрывая взгляда от дороги, он плавно протянул руку назад. Его пальцы нащупали мою сумочку, выудили ее с заднего сиденья, а уже оттуда — телефон.

Он небрежно начал листать мои переписки, скользя взглядом по экрану, и при этом продолжал вести машину так мягко, словно мы ехали не по разбитому загородному шоссе, а по взлетной полосе. Как у него это получалось? Хотя плевать я хотела на его навыки вождения. Больше всего меня выводила из себя эта вопиющая наглость!

—Не думал, что современные подростки пишут настолько сопливую чушь...

Его большой палец замер над клавиатурой. Он выбрал какой-то контакт и принялся быстро печатать.

—Эй! — возмущенно выкрикнула я, перегибаясь через подлокотник в попытке выдрать свой телефон из его рук. Мои пальцы лишь бессильно царапнули воздух возле его кисти. — Положи на место! Это частная собственность!

Он даже не вздрогнул. Только крепче сжал корпус телефона одной рукой, а второй легко, почти нежно, но с пугающей силой толкнул меня обратно в кресло, удерживая на расстоянии.

—Расслабься, Коффин. Я просто отправляю твоему отцу сообщение, что ты переночуешь у меня. Можешь сказать мне спасибо за спасенную жизнь.

Я даже не успела до него дотронуться. Девид резко крутанул руль, машину швырнуло в сторону, и меня с силой впечатало обратно в кресло. Если бы дорога не была такой пугающе пустой, мы бы уже летели в кювет!

Что он творит?!

—Я не собираюсь трогать тебя, Коффин... — его голос звучал обманчиво ровно на фоне визга шин. — И твой отец может быть хоть трижды главой корпорации, но давно нет людей, которыми можно было бы давить мне на жалость. Да и работу я могу сменить за один день... К большому сожалению или счастью для нас обоих, я тот, кому абсолютно нечего терять.

Он небрежно запихнул мой телефон в сумку и закинул ее назад.

—Что бы ты ни написал отцу, он поймет, что это не я. Ты никогда не повторишь мою манеру речи.

—Я читаю книги именно для того, чтобы не повторять подобную манеру речи. Не переживай. Когда они будут сходить с ума от страха, увидев это сообщение, у них появится хотя бы какая-то зацепка.

—Поверь, никто не будет сходить с ума от моего отсутствия... — негромко бросила я.

Словно забыв о моем существовании, мужчина крепче вцепился в руль, прибавляя скорость. Спидометр полз вверх, сиденье упруго толкало меня в спину при каждом нажатии на газ, но я все равно тянулась рукой через тоннель трансмиссии к заднему сиденью.

—Ты начинаешь меня выводить, Эшли! — отрезал он, не поворачивая головы. — Лучше сиди смирно и молчи в тряпку, иначе я поменяю вас с Вильямом местами. Он точно будет менее подвижный.

Машина ударила по тормозам так, что ремень безопасности жестко впился в грудь, а перед глазами потемнело. Поверить не могу! Ему даже не нужно ко мне прикасаться, чтобы парализовать волю. Сев прямо, я мертвой хваткой вцепилась обеими руками в ремень.

Выждав пару секунд и убедившись, что я больше не дергаюсь, Девид плавно тронулся, сбрасывая скорость почти вдвое.

Я скрестила руки на груди, наконец-таки замолчав, и уставилась в окно. На город опускалась глухая ночь. Скорее всего, Эмили сейчас ловит восхищенные взгляды на танцполе. Аарон вешает лапшу на уши очередной поклоннице. Тетя произносит пафосную речь на благотворительном вечере, а отец… Что мог делать отец? Уж точно не обзванивать морги из-за моего отсутствия. А я… а я еду копать промерзшую землю. От этой мысли губы сами дрогнули в нервной усмешке.

Дорога казалась бесконечной, а воздух в салоне стал густым и тяжелым. Наконец машина остановилась.

Темные силуэты деревьев жадно пожирали любой проблеск света. Зимний ветер гудел в верхушках сосен, заставляя их раскачиваться из стороны в сторону. Стая птиц испуганным черным облаком взмыла из самой чащи, будто спасаясь от невидимой угрозы. Фары еще немного разгоняли тьму, но Девид щелкнул тумблером, и мир погрузился в абсолютный мрак.

Заглушив двигатель, он оставил меня наедине с тишиной, в которой оглушительно билось мое собственное сердце.

—Машина быстро остынет, — сказал он, открывая дверь. Холод тут же лизнул мои щеки.

—Если начнешь замерзать, возьми мое пальто на заднем сиденье.

Хлопнула тяжелая водительская дверь. Щелкнула крышка багажника. Раздался глухой, утробный звук чего-то невероятно тяжелого.

Если бы я не знала наверняка, что там лежит тело Вильяма, решила бы, что Девид проверял мешок с цементом. Его силуэт быстро пропал из виду, утонув в чаше деревьев.

Подождав минуту, пока шаги окончательно стихнут, я рванула назад. Пальцы лихорадочно зашарили в сумке. Телефон. Нужно написать. Позвонить. Хоть кому-нибудь! Отцу. Тете. Водителю. Пусть кто угодно заберет меня отсюда!

Но связь отсутствовала полностью. Я машинально подняла руку к потолку, надеясь поймать сигнал, но со ударилась о крышу. В моей машине потолки были выше… Нет. Сейчас важно совсем не это.

Приникнув к стеклу, я попыталась разглядеть хоть что-то сквозь темноту, сглатывая тугой ком паники. Выскочив наружу, я отошла на несколько шагов от машины, отчаянно размахивая телефоном над головой. Бесполезно. Мой взгляд метнулся к высокому старому дубу с толстыми ветвями, но мысль отпала сама собой. Я еще не настолько отчаялась, чтобы изображать белку ради одной палки связи.

Безысходность ледяной коркой смешалась с пронизывающим холодом. Единственное, что удерживало меня от истерики — слепая, иррациональная вера в то, что Девид меня не тронет. Не вернется же он сюда после Вильяма, чтобы закопать вторым слоем… Хотя думать об этом вообще не хотелось. Мороз пробирал до костей, лишая возможности нормально соображать.

Потянув ручку двери, я хотела поскорее вернуться в салон, где еще сохранилось тепло, но та не поддалась. Черт! Замок заблокировался! Я тихо выругалась и зло пнула колесо каблуком ботинка. Из лесной чащи налетел порыв ветра, безжалостно растрепав прическу и обжигая лицо тысячей невидимых игл.

Я обхватила себя руками, пытаясь растереть плечи через тонкую ткань платья, но теплее не становилось. Зубы предательски выбивали дробь. Даже пальто Девида, к которому я бы в жизни не притронулась по своей воле, было заперто в машине.

Правильным решением было остаться у машины. Ждать. Но чем дольше я стояла на месте, тем глубже ледяные иглы впивались под кожу. Шмыгнув покрасневшим носом, я неуверенно шагнула в темноту, туда, где хруст его шагов растворился пару минут назад. Высокие каблуки вязли в рыхлом снегу, заставляя балансировать на грани падения. Один раз я всё-таки оступилась, провалившись в сугроб почти по колено.

Я собиралась сегодня отдыхать! Сидеть с тетей, лениво болтать ни о чем, пить красное вино и танцевать до ломоты в ногах. А вместо этого торчу посреди леса! Редко, когда что-то шло именно так, как я хотела, но, чтобы настолько… Я почувствовала, как от бессильной злобы и обиды защипало в носу, а к глазам подступили слезы. Ну уж нет. Вытерев их тыльной стороной ледяной ладони, я зло мотнула головой. Глаза уже привыкли к темноте: контуры деревьев стали четче, снег перестал быть сплошным белым пятном.

Вдруг на сугробе я разглядела черные рваные пятна. Секунда ушла на осознание того, что это кровь. Свежая. Моя спина покрылась холодным потом, но это единственное, что могло привести меня к нему. Сделав осторожный шаг, я направилась вдоль этих следов.

Снег продолжал забиваться в открытые туфли, сковывая пальцы мертвым холодом. По коже бежали надоедливые мурашки, тело била крупная дрожь, которую я никак не могла унять. Следы тянулись вперед бесконечной пунктирной линией. Он решил закопать Вильяма на другом континенте? А может, он специально привез меня сюда, чтобы оставить… От этой мысли внутри всё оборвалось, стало липко и дурно. Вдруг он уже вернулся к машине и уехал?! Меня физически качнуло от накатившей паники. Ноги подкосились, но я продолжила идти, цепляясь за дурацкую надежду, хотя прекрасно понимала: ему ничего не мешает бросить меня здесь. Наоборот, только меньше свидетелей.

Внезапно что-то твердое и горячее сомкнулось на моих плечах. Сильно, властно, по-свойски.

Я вскрикнула, впечатываясь спиной во что-то массивное.

—Тут опасно гулять одной… — Горячий мужской шепот обжег ухо.

Тяжелые руки соскользнули с плеч. Я резко обернулась, встречаясь взглядом с издевательской ухмылкой Девида.

—Ты… В своем уме!? — выкрикнула я, чувствуя, как адреналин выжигает остатки холода из вен. — Хотя… Кого я спрашиваю…

Выдохнув облачко пара, я снова уставилась на черные разводы.

—Ну и зачем ты вышла? — Его голос больше не смеялся.

—Твоя идиотская машина заблокировала двери, оставив меня замерзать! — огрызнулась я, переминаясь с ноги на ногу.

—И машина сама взяла, и выгнала тебя на улицу… Обязательно проведу с ней воспитательную беседу

Я не успела придумать достойный ответ. Он просто сгреб мою ладонь в свою и потащил за собой сквозь чащу. Я даже не думала сопротивляться. Если ради спасения нужно потерпеть его общество — пусть будет так.

—Я оставил тебя буквально на несколько минут… — бросил он через плечо. — Ты должна быть крайне аккуратна, Коффин. Будь на моем месте кто-то другой, кому-то пришлось бы копать еще одну яму рядом с Вильямом.

Я спотыкалась на каждом шагу, мои каблуки то и дело увязали в глубоких сугробах, превращая походку в пьяную пляску. Лишь стальной захват Девида не давал мне окончательно рухнуть лицом в снег.

—Как же с тобой тяжело… — процедил он, когда я в очередной раз едва не упала. — Как под колеса бросаться, ты первая в очереди, а как пройти по морозу — сразу ноги заплетаются!

Было видно, что его терпение трещит по швам. Это странным образом ни разу не пугало — или я просто очень убедительно играла роль непоколебимой наследницы.

—К твоему сведению, я не планировала разгуливать по ночному, холодному лесу сегодня! — рявкнула я в ответ, тоже теряя последние капли самообладания.

Он промолчал. Жаль. У меня в голове вертелось столько прекрасных эпитетов для него, начиная с «самодовольного ублюдка» и заканчивая более сложными конструкциями.

Когда мы наконец дошли до машины, я тут же плюхнулась на сиденье и принялась согревать отмороженные пальцы, дуя на них теплым паром изо рта. Толку от этого было чуть.

Девид молча завел двигатель, и салон начал стремительно наполняться благословенным сухим жаром. Благодарить его я, конечно же, не собиралась. Просто отвернулась к окну, делая вид, что совершенно не замечаю его тяжелого взгляда в зеркале заднего вида.

Глава 12

—Отвези меня домой.

Он вывернул на дорогу, даже не удостоив меня ответом. По его каменному профилю скользили тени от фонарей.

Я устало простонала, глубже вжимаясь в кожаное кресло, и отвернулась к окну. За стеклом проносился чёрный частокол леса. Где-то там, во влажной холодной земле остался Вильям. Без имени. Без памяти. Мне стало зябко до кончиков пальцев.

—Ты пыталась сбежать. — Он всё-таки нарушил вязкую тишину. — Это заставляет меня усомниться в тебе.

—Сбежать?! — я резко развернулась, впиваясь пальцами в сиденье. Брови сами сошлись у переносицы. — Я похожа на идиотку? Сбегать из чащи, где впервые в жизни оказалась, прямиком в объятия первого встречного маньяка — гениальный план!

—Нам нужны доверительные отношения, чтобы мы не могли друг другу лгать, — отрезал он, полностью проигнорировав мою вспышку.

Несколько секунд я буравила его взглядом, а потом обиженно отвернулась к стеклу:

—Я никогда не лгу. Никогда. Придурок.

И это была абсолютная правда. Ложь вызывала у меня физическое отвращение. Я сотни раз видела, как виртуозно врет Эмили, и мне хватило чужого опыта, чтобы навсегда возненавидеть этот запах фальши. Я дала себе слово, что никогда не буду такой. Но как вбить эту простую истину в его чугунную голову?

—Придётся научиться, ведь над этим будет строиться наш с тобой договор. — Я не поняла, про что он говорит, но уточнять я не стала. А вот он, по всей видимости, не обделял себя желанием почитать мне лекции. — Ну, ты же написала отцу, что всё хорошо и вернёшься поздно... Получается, что ты соврала. И на заметку, вбей себе в голову: "никогда не говори никогда".

Сам того не осознавая, он добился моего молчания. Я даже не видела смысла что-то ему отвечать.

Сейчас я хотела только одного: добраться до дома, снять с себя липкую одежду, встать под обжигающий душ и уснуть. Желательно до следующей весны.

Мы ехали в молчание, давясь одним и тем же напряжением. Обычно я мастерски разрушаю неловкость шуткой или интересным вопросом, но сейчас разговаривать не хотелось.

Казалось, прошла вечность, прежде чем мы заехали в темный двор. На секунду сердце ёкнуло — вдруг я дома?

Но нет. К счастью или к сожалению, мой адрес ему неизвестен. Машина замерла. Он сгрёб своё пальто и вышел, хлопнув дверью. Я лишь проводила напряжённым взглядом его тёмный силуэт. Выходить я не собиралась.

Внезапно дверь с моей стороны распахнулась. В салон ворвался ледяной порыв ветра, мгновенно обжигая щёки.

—Мы должны поговорить в спокойной обстановке. Обещаю быть паинькой. — Девид протянул мне раскрытую ладонь, но я даже не пошевелилась. Я и так провела с ним слишком много времени, играя в русскую рулетку со своей жизнью. — Выпьем чай, обсудим пару формальностей, и я доставлю тебя к дому.

—Я не хочу с тобой разговаривать! Почему нельзя просто отвезти меня домой?! Ты ещё не убедился, что я не сдам тебя? — выплюнула я, зло ударив его по руке. Не думаю, что ему было больно, но руку он всё же убрал.

Конечно, я понятия не имела, сдам его копам или нет. Честно говоря, мне было плевать и на Вильяма, и на остальных бедолаг, попавших в лапы этого хищника. Или я только пыталась убедить себя в этом.

—Я не отвезу тебя домой, пока мы не поговорим, — упёрся он. Ну точно баран.

Я устало выдохнула и вышла из тёплого нутра машины в ледяную ночь. Но не успела я даже закрыть за собой дверь, как предательский каблук с сухим треском надломился. Я потеряла равновесие, но сильные руки Девида поймали меня за плечи раньше, чем я рухнула лицом в сугроб.

Его ладони легли на мою талию, выравнивая баланс.

—Какая же ты неуклюжая...

Не удостоив его ответом, я сняла с себя дорогой каблук и с размаху швырнула в пышный сугроб. Туда же полетела и вторая, сломанная. Что терять… Хотя злилась я сейчас вовсе не на испорченную обувь и потраченные деньги. Вечер был окончательно и бесповоротно уничтожен.

—Ты собралась идти босиком?

Я открыла рот, чтобы выдать что-то максимально ядовитое, но слова застряли в горле. Его пальцы всё ещё лежали на моей пояснице — горячие, тяжёлые, сквозь тонкую ткань платья. От него пахло озоном, зимней дорогой и чем-то терпким. Проклятый адреналин играл против меня.

Внезапно, резким, почти диким движением Девид подхватил меня за талию и закинул на плечо.

—Поставь меня! Я бы сама справилась! — взвизгнула я, начиная колотить кулаками по плотной ткани его пальто.

—Сама? Не начинай… Ты даже с машины выйти не можешь, — бросил он. Мои удары для него были не страшнее комариных укусов.

Устав бить в эту каменную стену, я смирилась. Чтобы жизнь совсем уж малиной не казалась, упёрлась локтем ему в лопатку, пристроила голову на кулак и безэмоционально проводила взглядом тёмные пятна моих туфель, торчащие из сугроба. Где-то внутри кольнуло жалостью: обувь была куплена только вчера.

—Весь день мне испортил, урод, — прошипела я вполголоса скорее от бессилия, чем от злости.

Наконец ледяной подъезд сменился сухим теплом лестничной клетки. Мы поднялись на какой-то этаж — считать проёмы лампочек у меня просто не было сил. Девид поставил меня на ноги перед своей дверью.

Как только я переступила порог, вспыхнул яркий свет. Я тут же завертела головой, жадно сканируя пространство. Никакого логова маньяка. Передо мной простирался широкий коридор обычной, уютной квартиры. По периметру стен висели картины в массивных рамах — что-то абстрактное, глубокое, смысл которого мой уставший мозг сейчас отказывался понимать. Высокие потолки, идеальный порядок. В воздухе пахло дорогим парфюмом и кофе. Так и не скажешь, что здесь живёт человек, хладнокровно избавляющийся от трупов.

—Хотел сказать «снимай обувь», но ты такая безалаберная, что, по всей видимости, забыла порядок действий, — усмехнулся он, ловко разуваясь и вешая своё пальто на крючок. Ни капли гостеприимства.

Он вообще вёл себя так, будто меня нет: прошёл мимо к стиральной машине, забросил внутрь какие-то вещи, защёлкал кнопками.

Но стоило мне моргнуть, как прямо из-под обувной тумбы вынырнула огромная тень. У ног возник пушистый гигант размером с собаку. Угольно-чёрный, с белой мордой, белыми

«перчатками» на лапах и рыжим кончиком правого уха. Мейн-кун мурлыкнул, потёрся о мои голые лодыжки и вальяжно потрусил вслед за хозяином, вышедшим из ванной.

—Собираешься там до утра стоять?

—Не думала, что убийцы живут в таких кукольных домиках с котиками, — огрызнулась я вместо благодарности. — И нет, оставаться тут до утра я точно не планирую.

Почему-то, глядя на его широкую спину, я снова ощутила предательское головокружение. Списать это на долгую поездку или тяжёлую причёску, которая сдавливала голову, не получалось. Разум совсем затуманился. Я плавно сползла спиной по стене вниз, опустив взгляд

на кота. Тот сел напротив, требовательно заглядывая в глаза. Видимо, хочет есть, но я лишь моргнула ему в ответ.

—Не желаешь пройти на кухню? Конечно, там не так удобно обмякать на пол, как у порога, но интерьер тоже неплохой.

Я с трудом подняла голову, пытаясь сфокусировать зрение на его лице, но контуры расплывались. Из кухни донёсся щелчок кнопки чайника. Кот мгновенно сорвался с места. Я сделала глубокий вдох, заставила себя оттолкнуться от стены и поплелась следом.

Не успела я доковылять до арки, как ноздри защекотал густой аромат свежезаваренного чая. Мята, бергамот и сладковатая нота драконьего фрукта. Этот тёплый запах почему-то действительно прибавил сил — меньше чем за минуту я оказалась за барной стойкой. Лишь сев на высокий стул, я осознала, насколько зверски голодна. Пока Девид — успевший переодеться в мягкие домашние штаны и простую чёрную футболку — химичил над моей кружкой, я рассматривала просторную кухню. Матовые чёрные шкафчики идеально контрастировали со светло-бежевой столешницей. На ней стояло несколько горшков с живыми растениями. Это странным образом тронуло меня — убийца ухаживает за цветами.

Вдруг снизу раздалось требовательное «Мяу». Девид отложил заварочный чайник, достал с полки пачку корма и насыпал горку гранул в миску. Кот принялся есть с громким, сытым хрустом.

Дома он выглядел пугающе нормальным. Цветы, идеальная чистота, домашнее животное — ничто не выдавало в нём монстра. Но я-то знала правду. Я подозрительно покосилась на белоснежную фарфоровую чашку, которую он поставил передо мной, и демонстративно втянула носом пар.

—Если бы я хотел тебя убить, мы бы остановились ещё в лесу, — ровно сказал Девид, заметив моё движение. — Там отличная акустика для криков.

Себе он налил экспрессо. Меня смущало всё: этот уют, его спокойствие, то, как уверенно он двигается по собственной квартире. И то, что его пожилая мать живет в тесной однушке где-то на окраине, а он занимает огромную квартиру-студию с панорамными окнами! Хотя какое мне дело до его семейных проблем…

—Расслабься, — он кивнул на мою чашку. — Это всего лишь чай.

Я осторожно коснулась губами краешка чашки. Горячая жидкость обожгла язык, оставляя во рту травянистую сладость. Кажется, сегодня ночью я всё-таки останусь в живых. Вопрос лишь в том, какую цену придётся заплатить за это спасение.

Мужчина опустился на высокий стул напротив, небрежно закинув одну ногу в идеально выглаженных брюках на другую. Он сделал глоток кофе, даже не поморщившись от обжигающей температуры.

—Возможно, я совершаю ошибку, приглашая тебя сюда, но это всё же продуктивнее, чем пытаться вести переговоры в салоне машины

В промерзшей насквозь машине, мысленно добавила я. Ему-то тепло в его тяжелом кашемировом пальто. Кто вообще волнуется о моем здоровье?

—Перейдем сразу к делу, Коффин. Я не уверен, что ты не сдашь меня при первой же возможности. А я, видишь ли, очень трепетно отношусь к своей свободе.

Я чуть приподняла бровь, всматриваясь в его карие глаза. В полумраке кухни белки казались немного покрасневшими, а радужка напоминала расплавленный янтарь. Если он так

боится, что я пойду в полицию, почему просто не избавится от свидетеля? Вопрос вертелся на языке, обжигая гортань, но произнести его вслух было бы чистым самоубийством.

—Я не сдам тебя, — голос прозвучал ровно, почти безразлично. Главное — держать лицо.

—Мне плевать на твои… увлечения.

—Правда? — он хищно наклонил голову набок. — А пару часов назад кто-то буквально захлебывался слезами: «Эти невинные люди тоже чьи-то дети!».

Он неприятно, по-детски спародировал мой голос и тихо, утробно рассмеялся.

—Потому что так и есть! — прошипела я, чувствуя, как уверенность стремительно тает под его тяжелым взглядом. Голос предательски дрогнул. — Хотела бы я посмотреть на тебя, если бы твою мать убили точно так же!

Его издевательский смех оборвался мгновенно. Словно перерезали невидимые провода. Взгляд Девида остекленел, а затем потяжелел, превращаясь из человеческого во что-то первобытное и опасное. В груди глухо щелкнуло — чисто животный инстинкт, предупреждающий об опасности. Я не должна была этого говорить…

Девид сорвался со стула одним текучим движением. Пространство между нами сократилось за долю секунды. Кожу опалило жаром чужого тела, и тяжелый кулак врезался в декоративную штукатурку прямо над моим левым ухом.

По телу прокатилась ледяная волна ужаса, парализуя легкие. Он замер в паре сантиметров от моего лица, тяжело и шумно выдыхая. Его рука, впечатанная в стену, мелко подрагивала от напряжения, костяшки побелели. Смерть дышала мне в висок мятой и драконьим фруктом. Определенно, открывать рот было моей худшей идеей.

Глава 13

—Мы договорились? — Горячий пар опалил щёки, и я судорожно кивнула.

Он ещё мгновение буравил меня тяжёлым взглядом, затем молча выпрямился и вышел из кухни.

У меня выдалась минута, чтобы перевести дух, но передышка оказалась короткой. Вскоре Девид вернулся.

—Сегодня останешься здесь. — Он даже не удостоил меня взглядом.

Подойдя к холодильнику, он равнодушно достал овощи и начал кромсать их для салата. Я видела только его напряжённую спину, но затылком чувствовала: я задела его за живое. В голове мелькнуло трусливое желание извиниться, но тут экран телефона вспыхнул долгожданным светом. На нем появилась одна палочка связи! Наконец-то!

Я непроизвольно потянула его вверх, чтобы усилить сигнал, но через мгновение он вылетел из моей руки.

Хруст пластика разорвала тишину. Тонкая сталь ножа пригвоздила мой телефон к стене.

Осколки экрана брызнули во все стороны, оставив на нем стеклянную паутину.

Сердце пропустило удар от ужаса, что лезвие прошло в миллиметре от моего виска, и тут же ухнуло вниз от бессильной злости за разбитый аппарат.

—Ты забываешься, Коффин. Перед тобой сейчас не твой преподаватель. — Моя фамилия прозвучала из его уст как ругательство, царапая слух.

Не оборачиваясь, он вытащил из магнитного держателя второй нож — массивнее прежнего —и продолжил методично шинковать овощи.

—Можешь попытаться сбежать. Только учти: ночью, босиком, на незнакомых улицах это чертовски опасно… Оставайся лучше дома. В тепле. С одним маньяком, который пока не желает тебе зла.

Пока.

Мысли путались. Я беззвучно смотрела на распятый телефон. Постепенно до сознания дошла страшная мысль: вместо этого телефона могла быть моя собственная голова.

Внезапно Девид оказался прямо передо мной. Тарелка с салатом с грохотом опустилась на стол, заставив меня вздрогнуть. Он принялся есть, демонстративно громко скребя вилкой по фаянсу. Этот мерзкий скрежет бил по нервам, и ему явно доставляло удовольствие видеть, как я морщусь при каждом движении металла.

—Зачем ты оставляешь меня здесь? — Мой голос предательски дрогнул, сорвавшись на хриплый шёпот. Совсем не так уверенно, как я надеялась. — Недостаточно истерзал меня сегодня?

—Завтра утром отвезу тебя домой. А пока у тебя будет целая ночь, чтобы хорошенько подумать.

Он продолжал смотреть исключительно в свою тарелку.

—Как бы лучше сдать тебя полиции?

—Как бы самой не накосячить, оставшись правильной девочкой и любимой Клубничкой.

По позвоночнику пробежал колючий холод. Меня бросило в жар от смеси липкого страха и чистой, незамутнённой злости. Наконец он поднял глаза, и на его губах расцвела эта проклятая ухмылка. Отложив вилку, Девид издевательски скрестил руки на груди, упиваясь моим ужасом. Ему определённо нравилось наблюдать, как я медленно схожу с ума.

Адреналин перехватил горло. Резким движением я выдернула нож из стены. Мёртвый телефон безжизненно шлёпнулся на диван и со звоном скатился на пол. К чёрту всё. Сейчас мои мысли занимала только Клара.

—Только попробуй тронуть мою тётю! — Нож в моей руке ходил ходуном, выдавая панику. — Я… я…

Слова застряли в горле. Я сглотнула, понимая, насколько жалко выгляжу со стороны. Ни капли угрозы. Остриё плясало в дрожащих пальцах, направленное ему в грудь. Так же бешено, только в разы громче, заходилось моё сердце.

—Спокойно, Коффин. Я не трону твою драгоценную тётушку. Ровно до того момента, пока ты снова не заикнёшься о моей матери. — Он недобро усмехнулся, приподнялся и резким, выверенным движением вырвал нож из моих пальцев. Лезвие даже не дрогнуло в его ладони.

Лишь грохот стали о дно раковины дал понять, что я осталась абсолютно безоружной.

—Если тебе плевать на мою тётю, откуда ты узнал про… «Клубничку»? — Слова дались с трудом. Это прозвище жгло язык, но я заставила себя сохранить лицо. Плечи расправлены, подбородок вздёрнут — пусть видит, что я всё ещё контролирую ситуацию.

Он ответил не сразу. Девид молча вернулся к тарелке и подцепил вилкой огурец так, будто ничего важнее этого салата в мире просто не существовало.

—Я знаком с людьми, которые знают всё. — Он поднял на меня усталый взгляд, в котором плескалась едкая ирония. — Мне некогда это обсуждать. Я хочу поесть в тишине.

И он демонстративно уткнулся в тарелку. Ну уж нет!

—Тебе кто-то сливает информацию обо мне? Девид сделал вид, что изучает лист шпината.

—Если скажешь, кто это, я тебя не сдам! — пошла я ва-банк, повышая ставки. Тишина. Полное игнорирование.

—Это нечестно! Мне нужно знать источник. Я уже знаю о тебе достаточно, но если твой компромат перевесит мой, мне придётся устроить долгий допрос. Поверь, тебе он не понравится!

Он наконец оторвался от еды, встретившись со мной взглядом. Я сглотнула, но упрямо повторила:

—Как. Ты. Узнал. О прозвище.

—Прости, я немного тебя не слушал. От слова «совсем». — Он лениво покрутил вилку. — В принципе, как и ты меня. Я же ясно сказал: вопросы закончились.

Он снова склонился над тарелкой, но вдруг пальцы разжались, и прибор глухо звякнул о фаянс.

—Хотя нет. У меня испортился аппетит. Из-за тебя.

—Из-за меня?!

Я опешила, только сейчас заметив, что до боли стискиваю кулаки. Длинные ногти впивались в кожу ладоней острой болью — странный, болезненный способ заземлиться и не сорваться.

—Хочешь, чтобы я сказал, откуда у меня информация о девушке, отец которой — самый влиятельный человек в городе? — Он с иронией в глазах взглянул на меня.

—Даже несмотря на статус моего отца, ни в одной базе данных или газетной вырезке не найти то, как наша тётя нас называла. Об этом сказал человек, который знает меня. И я имею право знать, кто это.

—Меньше знаешь — крепче спишь, Коффин. — Девид поднялся, оставив недоеденный салат, и направился в коридор. — Правда, в твоём случае ты до некоторых пор спала как младенец.

Скрывшись за углом, он пропал из моего поля зрения. Через секунду до слуха донёсся сухой щелчок замка входной двери, который полностью отрезал меня от спасения.

Глава 14

Не могу поверить, что он просто ушёл! Растворился, оставив меня наедине со звенящей пустотой.

Я рванула следом, но не успела коснуться дверной ручки, как она распахнулась мне навстречу. Мимо, словно я была бестелесным призраком, прошагал Девид с полотенцем, небрежно перекинутым через плечо. Он молча закрылся в ванной.

Чёрт с ним.

Я зашла в его спальню и ударила по выключателю. Комнату залил холодный белый свет. Меня встретила идеальная чистота и ничего лишнего: кровать, шкаф, рабочий стол. Всё расставлено под линейку.

Подойдя к столу, я стала разглядывать полки, пока взгляд не остановился на одной из фотографий. Он обнимает пожилую женщину, оба смеются так заразительно, что у меня невольно дрогнули уголки губ. В нос ударил фантомный запах свежей выпечки.

Он любит её. Это читается в его расслабленном взгляде на снимке. Так почему же тогда он настолько жесток к другим таким же детям?

Жаль, природа забыла выдать мне значок детектива или удостоверение репортёра.

Опустившись в кресло, я обвела взглядом стол. Ни пылинки, ни одной лишней скрепки. Мой собственный хаос на рабочем столе показался вдруг таким нелепым, что губы дёрнулись в усмешке.

Развернувшись на кресле, я уставилась на массивный платяной шкаф. Интересно, сколько там спрятано скелетов?

Дернула на себя тяжёлую створку. Ноль. Лишь идеальные стопки футболок, отглаженные рубашки на плечиках и ровные ряды джинсов. Меня передёрнуло от этого правильного перфекционизма.

Захлопнув шкаф, меня вдруг осенило. Пока он плещется за стеной, нужно найти ключи. Сбежать отсюда. Накинуть на плечи его огромное тёплое пальто, добежать до соседей… Позвонить хоть кому-нибудь, чтобы меня забрали. Господи, почему эта простая мысль не пришла мне в голову раньше?

Я сделала шаг к выходу, но не успела переступить порог, как дверь ванной открылась.

В проёме стоял полуголый Девид. Капли воды стекали по влажным волосам на широкие плечи. Воздух в комнате мгновенно раскалился. Я поймала себя на том, что беззастенчиво пялюсь на его рельефный пресс, тёмную дорожку волос, уходящую вниз, и сильные руки. По этим идеальным кубикам безумно захотелось провести ладонью, проследить каждый изгиб мышц, но я мысленно отдёрнула себя, обжёгшись о собственное желание. Приходилось признать: дьявол невыносимо хорош собой.

—Я могу пройти в свою комнату? — его голос прозвучал все так же грубо.

С трудом оторвавшись от его торса, я подняла взгляд. Девид закатил глаза, тяжело вздохнул и просто сдвинул меня в сторону, как мешающую вещь.

Открыл шкаф и достал чистую одежду, повернувшись ко мне широкой спиной. Я невольно бросила взгляд в его сторону, и сердце болезненно сжалось.

Вся его спина была испещрена шрамами. Старыми, белыми, бугристыми и более свежими, розовыми. Картинка сложилась сама собой: его не просто били, его методично уничтожали годами.

—Можешь выйти? Или решила остаться на сеанс стриптиза? — бросил он через плечо, натягивая футболку.

Щёки опалило жаром.

—Ты так и не ответил на мой вопрос! — слишком резко бросила я, пытаясь сбить градус собственного смущения.

—Боже, Коффин! — он развернулся, оказавшись вплотную. От него пахло мятой и холодным дождём. Одной рукой он упёрся в стену над моей головой, отрезая путь к

отступлению. — Дай мне хотя бы пять минут личного пространства в моём собственном доме! Будь так добра, испарись куда-нибудь.

Он буквально вытолкал меня в коридор и с грохотом захлопнул дверь.

Этот невозможный, невыносимый мужчина. Но мысль о побеге почему-то отступила.

Пройдя на кухню, я заметила свой телефон. Он одиноко валялся на кафеле, экран зиял чёрной паутиной. Внутри снова закипала ядовитая злость. Да, он сложен как античный бог, но это не даёт ему права похищать людей, портить им вечер и разбивать чужие гаджеты!

Я осторожно наклонилась за телефоном и тут же взвыла — палец уколол острый осколок стекла. Боль стала последней каплей. Хотелось рухнуть прямо здесь, на ледяной пол, разрыдаться в голос, устроить безобразную истерику, как маленькая девочка. Но я никогда не позволяла себе такого, в отличие от Эмили. Хотя сейчас дикое, почти животное желание было именно таким — завизжать, лишь бы испортить настроение этому уроду!

Я со злостью швырнула бесполезный кусок пластика на стол. Палец всё ещё саднило от пореза.

В этот момент в кухню шагнул уже полностью одетый Девид, и во мне кольнуло тонкое разочарование. Серьёзно?

Он молча достал из шкафчика стакан, наполнил водой и сел напротив.

—Мне прислал человек информацию за мою... проделанную работу, — наконец ответил он. Его голос звучал ровно, почти лениво, но я видела, как напряжена линия его челюсти. — Если я назову тебе имя, это ничего не изменит...

Он замолчал, буравя меня взглядом поверх края стакана. А может, снова играет со мной?

Водит за нос, упиваясь своей властью над растерянной девчонкой.

—...если только ты не хочешь сказать, что тоже способна убить человека, и глазом не моргнув?

Воздух между нами стал густым и тяжёлым. Отложив жалость к самой себе, я вскинула подбородок и посмотрела ему прямо в глаза.

—А вдруг? — Мой голос прозвучал пугающе спокойно. — Ты совсем меня не знаешь. Только ту глупую информацию из очередного интервью моего отца. Идеальная семья, идеальные дочки, идеальное враньё. Всё это приукрашено до тошноты. — Он прожигал меня взглядом, словно искал, на чём можно сыграть. Но мои слова нанесли удар первыми. — Если бы я была такой же психопаткой, как ты, возможно, уже начала бы кидаться на людей с ножом. Но мне повезло больше. У меня нет никаких детских травм. Я просто нормальная.

Ни тени улыбки. Речь лилась ровно, монотонно, почти механически. Теперь уже я делала вид, будто полчаса назад мне прислали полное досье на Девида Графского. Жаль только, что это «досье» состояло лишь из понимания того, какой он бесчувственный, зацикленный на себе эгоист.

В его радужках вспыхнула такая ярость, что воздух между нами едва не затрещал. Да что ты можешь знать обо мне, несчастная девчонка? — кричал его взгляд. Но странное дело — мне не было страшно. Впервые за этот бесконечный вечер липкий ужас отступил.

Я видела, как побелели костяшки его пальцев, стиснутых в кулак, как заходили желваки по скулам. Неужели у меня действительно получилось вывести из себя самого Девида Графского?

Он не позволил себе сорваться. Сделал глубокий вдох: насильно загнал свою тьму обратно в клетку.

—Знаешь, Коффин… — его голос снова стал обманчиво бархатным. — Ты абсолютно права. Не стоит провоцировать психически больных людей.

Атмосфера всё ещё искрилась от невысказанного напряжения. Я лишь приподняла бровь, принимая эту шпильку молча.

За окном окончательно сгустилась декабрьская ночь. Завывал ветер, швыряя в стекло горсти мокрого снега. Звёзды давно утонули в густых свинцовых облаках. Мне нравилась такая погода. Дома, в нашей уютной гостиной, я бы сейчас сидела в тёплой кресло-качалке у камина, завернувшись в плед, и листала свежий каталог зимней коллекции одежды.

От этой мысли стало так холодно и пронзительно одиноко, что свело живот. Даже моя мрачная съёмная квартира показалась сейчас раем по сравнению с этим ледяным склепом.

Девид тряхнул рукой, взглянув на свои наручные часы, грубо вырывая меня из плена тёплых воспоминаний.

—Сможешь ли ты спать в одной квартире с маньяком, я не знаю... — Он выдержал паузу, давая словам впитаться в тишину, а затем заглянул мне прямо в зрачки. — Я даже не уверен, проснёшься ли ты завтра утром.

Я прищурилась, всматриваясь в этот лёд.

—Это угроза?

—Предупреждение.

Его тон был грубым, хриплым, а взгляд — убийственно серьёзным. Однако где-то на уровне инстинктов, вопреки всякой логике, я знала: он не причинит мне вреда. Как можно чувствовать безопасность рядом с человеком, который прямо угрожает расправой? Может, мозг просто пытался спасти мою нервную систему от перегрузки. А может, я окончательно и бесповоротно сошла с ума.

Посчитав разговор исчерпанным, он поднялся одним плавным движением и ушёл в комнату. Страх остаться одной, в темноте чужого дома, оказался сильнее гордости. Я поспешила следом.

Я ожидала чего угодно: холодного пола, старого матраса в углу, издевательской шутки про коврик для ног. Но на моё изумление, Девид методично раздвигал старый диван и достал из шкафа стопку нового, хрустящего постельного белья. Наблюдать за тем, как он хозяйничает — расправляет углы, натягивает простынь, — было почти… трогательно. По-домашнему. Особенно с его стороны.

Пока он возился с бельём, я опустилась на край его кровати и только тогда ощутила, как же сильно ломит мое тело. Гудящие ноги внезапно превратились в свинцовые гири, а затылок сдавило тугой, тяжёлой болью. Сказывалось напряжение последних часов.

Я сонным, расфокусированным взглядом наблюдала за его широкими плечами. Девид закончил стелить на диване и теперь стоял посреди комнаты, словно решая сложную геометрическую задачу.

Сделать шаг к чистому белью сил уже не осталось. Веки налились свинцом, тело начало проваливаться в мягкое, обволакивающее облако темноты. В голове лениво мелькнула последняя мысль, прежде чем окончательно отключиться: может в том чае все-таки что-то было?

Глава 15

Простыня под ладонью Девида была идеально гладкой. Он любил, во всем ровность и чистоту, никаких лишних деталей.

—Можешь ложиться, — бросил он в пустоту. Тишина стала ему ответом.

Он обернулся и раздраженно выдохнул. Девица умудрилась отключиться прямо на его кровати. В одежде. В той самой, которой она сначала отплясывала на юбилее тетки, потом обтирала всю машину и продиралась сквозь лес.

Сквозь мягкий полумрак светильника Девид разглядел ее лицо. Россыпь блесток, комки туши, стекшей по щекам, и темные провалы под глазами. То ли остатки вечернего макияжа, то ли старые синяки. Разбираться не хотелось.

Можно разбудить эту ходячую катастрофу, заставить отскребать с себя косметику, всучить чистую футболку и отправить ночевать на диван. Или просто оставить все как есть, заперев спальню на ключ.

Взгляд зацепился за ее руку. На безымянном пальце скопился кружок крови. Она медленно скатывалась вниз, пачкая светлую кожу ладони. Когда успела? Девид поморщился. Сейчас еще только ее неуклюжести ему не хватало для полного счастья.

Аптечка пылилась на верхней кухонной полке. Мама собирала ее перед его переездом, методично складывая «все самое нужное для отдельной жизни». Среди бинтов действительно завалялись пара пластырей. Пока он искал их, взгляд наткнулся на телефон Эшли. Экран был разбит вдребезги, мелкие осколки торчали из черной рамки. Теперь понятно, откуда взялась кровь.

Телефон полетел в мусорный пакет, но сим-карта перекочевала в карман Девида. Только вернувшись в комнату и поймав взглядом новую багровую каплю на белоснежном хлопке, он вспомнил про аптечку.

—Почему от тебя столько проблем… — прошипел он, заклеивая порез на ее пальце.

Сдернув с кресла плед, он кое-как укрыл бесчувственное тело. Сам рухнул на жесткий диван. Наконец-то тишина. Теперь можно подумать о завтрашнем дне. И о том, что делать с ней. Убрать ее сейчас нельзя — слишком грязно, полиция повиснет на хвосте до конца его дней. Он не питал иллюзий насчет ее преданности — сдаст при первой же возможности. Но выбора не оставалось. Его мутило от одной мысли, что приходится полагаться на чужого человека. Особенно если этот человек — глупая девчонка, чей мозг состоит исключительно из инстаграма, шмоток и мыслей о легких деньгах. И где он так нагрешил…

Утешало лишь одно: завтра он отвезет ее домой, захлопнет дверь машины и вернется к своей идеальной жизни.

По паркету беззвучно ступал Лев. По старой привычке кот направился к хозяйской кровати, пару раз лениво потоптался на самом теплом месте и замер, растерянно дернув ухом. Пахло иначе. Спрыгнув на пол, он пересек комнату и вспрыгнул на диван. Устроился на груди спящего хозяина, уткнулся холодным носом в шею. Обычно Лев сворачивался клубком возле руки, но места там почти не осталось.

Первый утренний луч ударил по глазам, заставив меня болезненно поморщиться. Я почувствовала дикий холод, будто все окна открыты на распашку, а батареи разом сломались. Может, дело в самом Девиде? Это многое бы объяснило — такой же ледяной и пустой внутри. Я села, подтянув одеяло к самому подбородку.

Воспоминания о вчерашнем дне обрушились лавиной, выбивая воздух из легких. Юбилей тетушки. Смерть Вильяма. Черный, мокрый от страха лес. Труп. Мать Девида. И сам Девид. Чертов Девид.

Я перевела взгляд на соседа по комнате. На диване, закинув руки за голову, дремал хозяин квартиры, а поверх него, свернувшись идеальным мохнатым воротником, спал кот.

Рука машинально скользнула по покрывалу в поисках телефона. Пустота. В груди тугим узлом скрутилась обида, стоило вспомнить хруст стекла.

Пальцы другой руки вдруг наткнулись на шершавый край пластыря. Я точно не помню, как надевала его. Да и в принципе смутно припоминаю, как дошла до этой спальни.

Мозг отказывался соображать. Я поморгала, пытаясь разогнать густой туман перед глазами, и сфокусировала взгляд на настенных часах в спальне Девида. Восемь утра. Подъем в такую рань никогда не входил в список моих любимых дел, но оставаться в одной квартире с маньяком я больше не могла ни минуты.

Соскользнув с кровати, я бесшумно двинулась к двери, по пути подхватив одеяло. Запершись в ванной, я включила воду на полную. Холодная вода обожгла кожу, окончательно смывая остатки сна вместе со вчерашней тушью и блестками.

Вытерев лицо жестким полотенцем, я вышла обратно в коридор и направилась на кухню. Только сейчас, коснувшись бедра, я осознала нелепость происходящего. На мне все еще было то самое бордовое платье-футляр, которое вчера так выгодно подчеркивало талию. Теперь же дорогая ткань неприятно липла к коже, пахла едким неприятным запахом из машины и казалась тяжелой. Идти в нем готовить завтрак казалось верхом абсурда, но возвращаться в спальню за вещами хотелось еще меньше. Там спал он.

Манеры у меня были. Отец не выпустил бы меня в общество, если бы я не умела держать спину ровно перед уважаемыми людьми. Но Девида, при всей его профессорской должности, я к таковым не относила. К черту манеры!

Я рывком распахнула холодильник и разочарованно выдохнула. Пусто. Ни одного готового контейнера. Желудок только предательски заурчал от вида одинокого лимона на дверце.

Пришлось доставать два яйца. Поиски сковороды превратились в квест. Масло обнаружилось в самом дальнем углу шкафа, там же нашелся огрызок сыра и половина засохшей палки колбасы. Этого должно хватить.

Застыв над плитой, я пыталась понять, как она у него включается. После третьего случайного нажатия конфорка наконец-то звякнула.

Разбив яйца в миску, я размешала их вилкой, щедро сыпанула соли и вылила на раскаленное масло. Пара надрезов на колбасе, горсть тертого сыра сверху. Выглядело почти аппе-

титно, если бы не сильный запах гари, который повис на кухне. Я так и не поняла, как на его плите убавить огонь!

К этому моменту сон окончательно испарился, сменившись злость и чувством голода. Я загремела чайником, совершенно не боясь разбудить Девида. Он и так уже слишком долго спит!

Внезапный кашель заставил меня вздрогнуть. На пороге появился хозяин кухни.

—Ты решила устроить нам газовую камеру, чтобы в следующей жизни отомстить мне за свой телефон? — иронично протянул он, спеша открывать окно настежь. — Выставляешь себя не особо разумной личностью.

Я окинула его абсолютно пустым взглядом, присыпая омлет последней щепоткой перца.

—Не «нам», а исключительно тебе. Хотела просто оставить плиту включенной и уйти, но ключи куда-то запропастились.

Резкий щелчок тостера, хлеб вылетел вверх. Я ловко подхватила горячий ломтик когтями (спасибо вчерашнему маникюру) и бросила на тарелку.

Странно, но гора грязной посуды и запах гари почему-то не вывели его из себя. Девид выглядел пугающе спокойным. Сделав себе кофе — такой же черный и горький, как его собственная душа, — он брезгливо покосился на мой кулинарный шедевр.

—Эшли, ты часто готовишь? Или впервые берешь в руки сковородку? — он оперся бедром о столешницу, скрестив руки на груди. — Я не сомневаюсь в наличии у тебя базовых рефлексов, но жрать угли в чистом виде способен далеко не каждый здравомыслящий человек.

Не удостоив его ответом, я переложила почерневший омлет в тарелку и демонстративно уселась за стол.

—Помнишь свои условия нашего маленького соглашения? Так вот, — я выдержала паузу, дожидаясь, пока он соизволит посмотреть мне в глаза. — У меня тоже есть одно условие. Ты, выражаясь литературно, похитил меня прямо с юбилея тетушки. Я уже молчу про то, что один из гостей оттуда больше никогда не вернётся. Но моему отцу будет глубоко плевать, куда делся этот несчастный дурак. Ему будет интересно, куда пропала его дочь. И объясняться с ним будешь ты.

Девид выпрямился.

—Ого, вспомнила, что умеешь торговаться? — он обошел стол, нависая надо мной. — Если бы я был тем чудовищем, которым ты меня описываешь, твое условию бы не имело значения, ведь ты промолчала, когда я предлагал сделку.

Он допил обжигающий напиток и глухо поставил кружку на столешницу.

—Поскольку ты ничего не потребовала, я с лёгкостью могу наговорить твоему отцу лишнего...

Резкое движение заставило меня вскинуть голову. Девид схватил мою тарелку и, прежде чем я успела возмутиться, вышвырнул ее содержимое в мусорное ведро.

—Эй! Какого черта?!

—Знаешь, горелыми яйцами можно отравиться, — невозмутимо произнес он, направляясь к раковине. —Хотя нет, глупый вопрос. Многое ты, конечно, знаешь.

Я смотрела на него с той первобытной яростью, на которую способен только зверски голодный человек, у которого отобрали еду. Заметив мое состояние, он тяжело вздохнул и развернулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.